

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДЫ.
МЕСТО ВЗАИМНЫХ ВЛИЯНИЙ В ПРОЦЕССЕ
ОБЩЕСТВЕННОГО И КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ.
ЭПОХА ФЕОДАЛИЗМА.

/Сборник тезисов/

Москва 1988

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ.
МЕСТО ВЗАЙМНЫХ ВЛИЯНИЙ В ПРОЦЕССЕ
ОБЩЕСТВЕННОГО И КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ.
ЭПОХА ФЕОДАЛИЗМА.

/Сборник тезисов/

Москва 1988

Рассматриваются различные аспекты экономических, политических и культурных связей славян с соседними этническими общностями (балтами, иранцами, угро-финнами, германцами, греками, тюрками) в древности и в эпоху раннего средневековья.

Редакционная коллегия:

Член-корреспондент АН СССР Г.Г.Литаврин (отв.редактор),
член-корреспондент АН СССР А.П.Новосельцев, доктор исторических наук Б.Н.Флоря, кандидат исторических наук А.И.Рогов,
кандидат исторических наук В.Г.Овчинников, кандидат исторических наук Л.В.Заборовский (отв.секретарь), Н.С.Захарина.

ВВЕДЕНИЕ

Ни одно человеческое общество не развивается в состоянии полной изоляции. Положение это правильное само по себе, представляется особенно веским по отношению к группе родственных славянских народов, развитие которых происходило в условиях длительных и разнообразных контактов с многими народами Европы и Азии, контактов, налагавших отпечаток на многие сферы жизни как самих славян, так и соседних с ними народов.

Какое важное значение имели эти контакты для развития, например, этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего, а затем развитого средневековья, наглядно показывают обобщающие исследования по этой теме, осуществленные сектором истории средних веков Института славяноведения и балканистики АН СССР.

Представляется поэтому вполне закономерным посвятить теме "Славяне и их соседи" серию научных конференций, на которых были бы рассмотрены контакты славян и соседних с ними народов во всех основных сферах общения (политические, экономические, культурные и контакты, связанные с демографическими и этническими процессами) и на разных этапах исторического развития - от самого возникновения славянского этноса, как особой общности, до эпохи позднего средневековья.

По мнению организаторов конференции в рамках так сформулированной темы включаются не только контакты между славянами и не-славянами, но и контакты между самими славянскими народами. Избранная тематика не исключает и постановки важных докладов сравнительно-исторического характера, так как различия в закономерностях развития отдельных стран или регионов неминуемо накладывали отпечаток и на само развитие контактов.

Данная конференция посвящена наиболее раннему этапу в истории этих отношений - примерно до XIII в.

В дальнейшем предполагается проводить конференции, посвященные как какому-то определенному этапу в истории этих контактов, так и какому-то определенному их аспекту. Цель конференции показать объем и разнообразие контактов и их значение для исторического развития как славян, так и их соседей именно в тот период, когда складывались отдельные

славянские народы и государства и устанавливались первые системы их политических, экономических и культурных связей.

В работе конференции принимают участие сотрудники Института славяноведения и балканстики АН СССР, Института истории СССР АН СССР, Института археологии АН СССР и ряда других научных учреждений.

По тематике доклады на конференции можно условно разбить на следующие части. Это прежде всего доклады, посвященные древнейшему этапу в истории контактов славян с другими этническими общностями (балтами, иранцами, до славянским населением Балкан), для исследования которого главным источником являются данные, полученные сравнительным языкоизнанием. Группа докладов посвящена контактам восточных славян с балтскими и угро-финскими этносами на территории Восточной Европы в эпоху раннего средневековья. Ряд докладов посвящен этническим отношениям на Балканах и отношениям Византии со славянским миром, где на первый план закономерно выдвигается рассмотрение культурных связей, имевших в ту эпоху особо важное значение для культурного развития восточных и южных славян. Вид докладов посвящен политическим и иным связям отдельных славянских народов с Германской империей и Скандинавией. Наконец, следует отметить группу докладов, посвященных венгеро-славянским отношениям, теме, которая до сих пор почти не привлекала внимания наших медиевистов.

Организаторы конференции выражают надежду, что обмен опытом между специалистами будет способствовать, как прогрессу в конкретном изучении важной исторической темы, так и выработке новых принципов подхода к исследованию всех форм взаимоотношений между государствами и народами Балкан, Центральной и Юго-Восточной Европы.

Конференция проводится как VI Чтения памяти выдающегося советского историка-слависта В.Д.Королюка, в творчестве которого тема "Славяне и их соседи" была одной из ведущих.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНО-ИРАНСКИХ СВЯЗЕЙ

1. Хотя наиболее надежные сведения о наличии славяно-иранских связей основываются на собственно лингвистических умозаключениях, из них оказывается возможным извлечь и такие выводы, которые касаются иранского влияния в мифологии и других сторонах духовной культуры.

2. В частности, в настоящее время представляется неоцненным, что языческая религия славян и связанная с ней картина мира, реконструируемая для времени перед распространением у них христианства, сложилась под несомненным иранским влиянием. Об этом свидетельствует иранский характер таких ключевых терминов, как слав. *водъ 'бог', 'доля' (ср. *и-водъ 'убогий - нищий, обездоленный'); иранск. веда - 'бог', 'доля'; слав. *шігъ - 'мир, согласие' (ср. многочисленные новые работы В.Н. Топорова, убедительно доказавшие связь соответствующих славянских формул с иранскими, относящимися к иранск. *mīr- < индо-иранск. *mitr(a) - 'Митра, бог договоров' и т.п.) и др. Последние из таких заимствований, как предполагаемые в именах богов из пантеона Владимира (Семаргль, Сварогъ при западнославянских параллелях), могут относиться к последним векам перед принятием христианства. Такие разительные совпадения целых фрагментов текстов, как ст.-слав. БОГА РАДИ 'Бога ради'; др.-перс. bagāhya rādiy 'б ога (родит. пад.) ради' (конструкция с послемодом, в древнеперсидском имеющая зламский прообраз и связанная с аналогичными синтаксическими конструкциями в других языках той же древневосточной зоны, в которую входили и самые ранние иранские диалекты), свидетельствуют о переводах целых фрагментов текстов религиозно-мифологического содержания с древнеиранских языков на раннеобщеславянский; характерно, что именно подобная фразеология, оформившаяся под непосредственным иранским воздействием, позднее была использована при присоединении сакральной славянской лексики к потребностям перевода греческих текстов христианского содержания. С иранским влиянием связаны и специфические черты славянского дуализма.

3. Приведенные факты и другие им подобные, в лингвистическом плане суммированные в работах А.А. Зализняка, Поля и других лингвистов, подытоживших результаты исследований славяно-иранских контактов, свидетельствуют о том, что и по отношению к ранним

славянам можно говорить об иранизации – явлении, которое в разное время и в разных условиях прослеживается в разных местах, где обнаруживаются контакты иранских диалектов с другими индоевропейскими (армянским, тохарским) и неиндоевропейскими (в частности, уральскими, особенно финно-угорскими, а также картвельскими, ср. о последних труд М.Андроникашвили). В большинстве упомянутых случаев иранизация, как и в случае славянского, связана с наличием значительного влияния в религиозно-мифологической сфере. Но типологическое сопоставление иранизации позволяет выявить и значительные расхождения – как количественного характера (так, в армянском весьма значительная часть словаия заимствована в доисторический период из иранского; статистически значим иранский пласт также в уральских языках и в – меньшей степени – в тохарском; относительно менее существенный вклад составляют иранизмы в картвельском, хотя в пространственно-временном плане время их вхождения в картвельский частично соотносимо с аналогичным хронологическим явлением в доисторическом армянском).

4. К историческому периоду развития диалектов праславянского (после середины I тыс. н.э.), когда о них и их носителях – славянах можно судить по различным косвенным данным (по известным различным авторов), они продолжали находиться в интенсивном контакте с иранскими племенами (к этому времени преимущественно восточно-иранскими, в частности, скифо-сарматскими), обитавшими в Северном Причерноморье или через него проходившими на своем пути с востока на (иго-)запад. На этом позднем этапе славяно-иранских контактов эти последние нередко принимали форму столкновений, что можно показать на примере аваров (обров), исторически и соивших иранское племенное название (хотя, в дальнейшем этнический состав аварского племенного союза мог и меняться). Кроме непосредственного взаимодействия (а часто и столкновения) иранских (или связанных, как обры-авары, с иранцами по происхождению) племён со славянами для времени начиная с рубежа I и II тыс. н.э. (если не раньше) следует учитывать и наличие торговых путей, связывавших, в частности, (восточно-) славянские земли с ираноязычными областями Средней Азии – Хорезмом (ср., напр. показательную надгробную надпись на могиле викинга, где на древнескандинавском языке о нем сообщается, что он совершил путешествия "в Русь и в Хорезм"; наличие хорезмийских заимствований в языке "Слова о полку Игореве" предпо-

лагает В.А.Лившиц). Все указанные поздние этапы славяно-иранских контактов исторического времени мыслятся как последние в ряду длительной серии взаимодействий, длившейся тысячелетие.

5. Для оценки пространственных рамок, в которых протекали ранние процессы славяно-иранского взаимодействия, следует иметь в виду ираноязычный характер названий основных рек Северного Причерноморья и Кго-Восточной Европы (от Дона до Дуная, ср. названия Днепра и Днестра) и ряда менее важных гидронимов. В этом плане интересна и роль соответствующих гидронимов в славянском и балтийском фольклоре.

6. Хотя по отношению к словарю балтийских языков число явных иранизмов (как названия 'войны, войска', др.-перс. хача) невелико, тем не менее часть процессов, связанных с иранизацией, могла затронуть и балтов. Но речь идет о хронологически более раннем периоде, когда иранское влияние могло оказаться и в переосмыслиении общего индоевропейского наследия, ср. слав. *svetъ 'святой', лит. ūventas авест. spranta 'мана, проявление сверхъестественной силы' и др.

7. Для еще более раннего периода уместно введенное В.И.Абаевым понятие "скифо-европейских" (восточно-иранских—"древнеевропейских") изоглосс, в которых участвуют и славянские языки. Для этого времени несомненно наличие племенного объединения, включавшего и часть иранцев.

8. Особую проблему составляет терминология коневодства, объединяющая славянский в большей мере с индо-арийским. Однако наличие таких обозначений конских мастей, как *babru-*, также и в митанийском арийском, позволяет думать, что часть этих коневодческих терминов раньше могла быть и в других индо-иранских диалектах, в том числе и в (восточно-)иранских (ср. сохранение некоторых архаизмов коневодческой терминологии в осетинском), но позднее исчезли в них, а сохранились в периферийных индо-арийских диалектах по законам лингвистической географии. В этом случае славяно-иранские изоглоссы можно только реконструировать.

СЛАВЯНЕ И БАЛТЫ (УІ-ІХ ВВ.)

Проблема взаимоотношений (и, в частности, соседства) славян (С.) и балтов (Б.) в этот период разработана неудовлетворительно, имеющиеся работы опираются на неполный и устаревший материал, относительно надежная систематическая картина отсутствует. Эти недостатки особенно остро дают себя знать применительно к территории Вост. Европы. Выбор для постановки этой темы именно для этого периода (УІ-ІХ вв.) оправдан и соображениями "здравого" смысла (средотечение между "темным" предыдущим периодом и последующим, когда С. и Б. надежно входят в историческую жизнь тогдашней Европы, обретают государственность и т.п.), и сутью, содержанием этого периода, о чем см. ниже. И еще одно принципиально важное соображение о "связующей" роли этого периода – своим началом он непосредственно связан с последней фазой б.-сл. единства, в конце же его складывается та ситуация, которая с соответствующими трансформациями продолжалась позже многие века ("Русь и Литва").

В других работах обращалось внимание на парадоксальность понятия "балтийского" этнолингвистического комплекса. В данном случае существенно обратить внимание на соотношение б. и слав. "пространств" в ходе истории. В настоящее время площадь, занимаемая С., превышает балт. территорию \approx в 180 раз (!) или, если пренебречь пространством, колонизованным в последние века в Азии, в несколько десятков раз (численность населения говорящего на слав. языках, превосходит балтоязычное население \approx в 80 раз). Это соотношение образует разительный контраст с тем, что было полторы тысячи лет назад (У-УІ вв.): по наиболее распространенному мнению (ср. карты—"реконструкции") С. локализовались в довольно узкой полосе между верховьями Вислы и Средн. Днепром, и эта площадь была в 3-4 (?) раза меньше территории, заселенной в это время Б. – от низовьев Вислы до Подмосковья и от бассейна Зап. Двины до устья Десны и Сейма. Показательно, что вдоль всей особо протяженной сев. границы Славия непосредственно примыкала ("соседила") к Балтии, не отделяясь от нее сколько-нибудь существенными природными границами. В известном смысле вся территория от южного побережья Балтийского моря до Карпат сохранила черты значительного этноязыкового единства, но это был последний период, когда уже вы зрелый

как самостоятельная целостность славянский языковой тип еще сохранял "формальную" связь с некогда единой в лингвистическом отношении территорией.

В У-УІ вв. в Славии было достигнуто некое "критическое" состояние, которое разрешилось демографическим взрывом, положившим конец и этому бытому единству и целостности самой Славии. Свидетельством этого распада стала лавинообразно распространяющаяся экспансия С. во всех направлениях - на сев.-зап. вплоть до Дании и за Эльбу, почти до Рейна; на юго-зап. вдоль Дравы и Дуная, до предальпийского ареала; на юг на Балканы вплоть до Пелопонесса, Крита и окрестностей Константиноополя; на восток за Днепр к Дону; на сев.-вост. в верховья Днепра, Зап. Двины, в район Пскова, Новгорода и далее. Этническая и лингвистическая карта Европы была резко изменена. Именно в это время С. были достоверно замечены "посторонними" свидетелями (Иордан, УІ в.), обозначены их именем, в общих чертах дифференцированы и стали характеризоваться как "великий", "многочисленный" народ. Пик экспансии пришелся на УІ-УІІ вв. Этой картины можно поставить в соответствие многие факты, из которых здесь будут названы три: 1) самая ранняя из археологических культур, достоверно связываемая с С., относится к УІ-УІІ вв. - пражско-корчакский тип, и ее распространение в принципе совпадает с границами Славии; 2) именно в УІ-УІІ вв. С. как уже выделившийся из бытого единства, близкий, но все более отчуждающийся этноязыковой элемент проникает в балт. области некогда единого б.-слав. ареала (Верхн. Днепр, бассейн Немана, Зап. Двины, Оки); этот новый тип взаимоотношений Б. и С. как расходящихся между собой компонентов прежнего единства сложился и впервые был осознан именно в УІ-УІІ вв. (до этого контакты С. и Б. предполагали иную схему - одна часть "своих" входит в отношения с другой частью "своих"); в высшей степени показательны два факта - самые ранние славязмы в балт. языках относятся к УІ-УІІ вв. и почти все существенные фонетические изменения в слав., отделившие его от балт., приходятся на УІ-УІІ вв., захватывая и УІІ-ІХ, т.е. весь означеный период (от первой до третьей палatalизации велярных, монофтонгизация дифтонгов, метатеза плавных); 3) с эпохой этих "первых" контактов связано распадение "центрального" прабалт., давшего начало будущим лит., лтш. и другим "вост.-балт." языкам, находившимся в УІ-УІІ вв. как раз на пути экспансии С. в сев.-вост. направлении; видимо, эта экспансия привела в движение летто-литовские племена, которые расширили свою

территорию к сев.-зап. и вошли в контакт с ранее уже обосновавшимися балтийскими племенами (курши, земгалы, селони).

Вероятно, этими С., двинувшимися на сев.-вост., были выходцы из сев.-зап. Славии, сидевшие до того в Средн. Повисленье и наиболее тесно связанные с балт. племенами южно-прусск. пояса. Можно думать, что путь начинался приблизительно там, где Буг впадает в Вислу (р-н Варшавы, название которой скорее всего балт. происхождения), и шел на сев.-вост. в обход припятского Полесья справа и Мазурских озер слева, на Белосток, Гродно, в вост. Литву, сев.-вост. Белоруссию, Латгалию и далее. Это направление движения и его исходный локус получают поддержку в разных фактах – и негативного характера (другие пути экспансии начинались в определенных иных частях Славии) и позитивного (ср. "зап.-слав." черты в языке С., избравших путь на сев.-вост.; ср. словен, кривичей, проблему "вендов" в Прибалтике; зап.-слав. особенности древнего новгородского диалекта по данным берестяных грамот; долго сохранявшуюся в Пскове и Новгороде память о "западном" происхождении; наличие в этом ареале балтизмов от гидронимов до археологических фактов – культура ранних длинных курганов на Поковщине и т.п.). Среди устремившихся в эти места племен могли быть и отдельные Б. (сходный путь на восток, в Гродненщину, проделала позже часть пруссов). Все больше аргументов в свою пользу набирает гипотеза о "балтийскости" кривичей (ср. этно-культурный элемент **kriv*, в старом Вильнюсе), ославянизировавшихся по мере продвижения в неширокой полосе от Зап. Двины до сев. Подмосковья, сохраняющей устойчивый и однородный балт. колорит в гидронимии. Учитывая, что часть славян в XI в. довольно надежно фиксируется в Среднем Поднавье, приобретают особое значение лит. гидронимы типа *Dunojus*, *Dunažius* и др. (и соответствующие апеллятивы, сохраняющие и архаичные значения – 'большая вода' и т.п.) и их популярность в лит. фольклоре. Как слав. заимствования эти примеры могут быть истолкованы только весьма условно: скорее они свидетельствуют об исключительной "проникаемости" всего пространства между Дунаем и Балтикой.

Инфильтрация С. на сев.-вост., с одной стороны, и на вост. (в бассейне Десны, Оки), с другой, впервые создала для этой обширной территории ситуацию соседства. Здесь С. нашли устойчивый и старый балт. элемент. Его вост., ю.-вост. и южн. границы определяются гидронимией балт. типа, очень обильной и разнообразной. Но

есть факты и предположения, позволяющие думать о еще большей про-
двинутости балт. элемента на восток (наличие ряда "ярких" гидронимов к вост. от устойчивой границы балтизмов /в Рязанской обл. и восточнее); наличие балтизмов в волжско-финских языках; наличие древнейшего слоя балтизмов в "общефинском"; "культурные" балт. элементы у народов Среднего Поволжья; возможные балт. следы в археологических культурах от II-II тысячел., до именьковской культуры IУ/У-УП/УШ вв.; следы этнонима "Galind" в Вост. Европе; контакты с иранцами, не осложненные участием С. и отраженные в языке, в гидронимических дублетах, в археолог. данных (ср. распространение в У-УГ вв. изделий с выемчатыми эмалями/ и т.п.). Контакты С., пришедших на эти земли в УГ-УП вв., с Б. были долгими и предполагали "существование", следы которого еще обнаружимы в начале II тысячелетия н.э. Но здесь ситуация "соседства" была иной, нежели там, где сохранились оба элемента, как, например, в слав.-балт. пограничье (Литва, Латгалия, Белоруссия, Польша). В первом случае предполагаются три этапа - "одиночество" Б., "существование"-соседство с отступлением балт. элемента в пользу слав., "одиночество" С. (УГ-IX вв. как раз и были "золотым веком" соседства С. и Б. в этом ареале). Во втором случае - вчерашние члены единой семьи с определенного периода "разделились" и стали "соседями", и это событие также относится к УГ-УП вв.

Г.И.МАТВЕЕВА

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПЛЕМЕН ИМЕНЬКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

1. Среди культур Поволжья и Приуралья середины I тыс. н.э. именьковская занимает особое место. Она не имеет местных генетических корней и резко отличается от синхронных финно-угорских культур. Этим объясняется появление ряда взаимоисключающих гипотез о ее происхождении и этнической принадлежности. В именьковцах видели финно-угров, торок, угро-мадьяр, славян, балтов. Необходимо отметить, что все эти гипотезы были слабо аргументированы.

2. Исследования двух последних десятилетий внесли много нового в изучении именьковской культуры: уточнены ее границы, определены хронологические рамки, выявлены памятники предшествующего пе-

риода в ее ареале, широко исследовано 3 могильника в Татарии (П.Н.Старостин), проведены раскопки ряда поселений в Татарии, Куйбышевской и Ульяновской областях. Все это позволило вновь обратиться к проблеме ее происхождения и этнической интерпретации.

3. Для именьковской культуры характерны большие бескурганные могильники, не имеющие в настоящее время внешних признаков. Господствует обряд трупосожжения на стороне. Обожженные кости, обычно очищенные от остатков костра, помещались без урны в ямы небольших размеров и глубины. Погребальный инвентарь крайне беден. Наиболее часто встречаются глиняные сосуды и их фрагменты, гораздо реже пряжки и очень редко бусы, подвески, ножи и прядильца. Весь инвентарь носит следы пребывания в огне. Почти все элементы погребальной обрядности находят аналогии в могильниках восточного варианта Шеворской культуры. По мнению В.В.Седова они являются типично славянскими, уходящими корнями в культуру подковообразных погребений. Важно отметить отсутствие в погребениях этноопределяющих металлических украшений, которые в изобилии представлены в погребениях балтов и финно-угров.

4. Именьковские поселения располагались гнездами, неукрепленные селища значительно преобладают над городищами. Это также находит параллели в славянских культурах.

Основным типом жилищ являлась полуземлянка в плане близкая к квадрату глубиной от 0,3 до 1 м со стенами срубной или столбовой конструкции большей частью без центрального столба. Отопительные устройства разнообразны: открытые очаги, глинообитные или каменные печи, в расположении их не наблюдается никаких закономерностей.

Жилища именьковской культуры нельзя причислить к числу этнографических признаков славянской культуры, но они совершенно не характерны для Поволжья и Приуралья и находят аналогии в культурах шеворской, черняховской, киевской и пеньковской.

5. Ведущей формой именьковской керамики являются слабопрофилированные округлобокие горшки, у которых наибольшее расширение находится на середине высоты. Этот тип сосудов известен в шеворской, черняховской и пеньковской культурах. В поздних памятниках именьковской культуры получил распространение еще один тип сосудов с цилиндрическим горлом и сильно раздутым туловом. Появление его вероятно связано с влиянием турбаслинских племен Приуралья.

Кроме горшков в памятниках именьковской культуры встречаются миски и диски-лепешечницы с невысокими бортиками. Последние весьма характерны для шеворской и славянских культур I тыс. н.э.

6. Необходимо отметить наличие общих черт в экономическом укладе именьковских племен со славянскими (пашенное земледелие, животноводство, рыболовство).

7. Проникновение западных элементов в Среднее Поволжье началось не позднее рубежа I и II веков. Об этом свидетельствуют поселения славянского типа, исследованные на территории Куйбышевской области. Керамический материал этих поселений находит аналогии в керамике шеворских памятников Поднестровья. Вероятно, другой волне западных переселенцев принадлежат поселения лбищенского типа, датируемые III–IV веками. Потомки обитателей этих поселений несомненно влились впоследствии в состав именьковской культуры, однако, основным ее компонентом явились племена, переселившиеся в Поволжье и Приуралье с запада на рубеже I и II веков. Исходный район их миграции определить пока не удается, но в их культуре много черт, общих с шеворской. В северной части ареала именьковской культуры в ее формировании приняли участие финно-угорские племена мазуинской культуры, хотя их влияние прослеживается довольно слабо. На территории Приуралья именьковские племена испытывали влияние ираноязычных племен тураслинской культуры.

8. Вопрос о языке племен именьковской культуры пока не может быть решен, но следует отметить, что на территории ее распространения довольно много славянских гидронимов, некоторые из них упоминаются Ибн-Фадланом (Сок, Черемшан, Майна, Утка, Бездна). Следует отметить, что в восточных источниках волжские болгары всегда называются славянами или тюрко-славянами.

А.П.НОВОСЕЛЬЦЕВ

ДРЕВНЯЯ РУСЬ И ХАЗАРИЯ

Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы. Хазарская гегемония в этом регионе во второй половине УП-УШ вв. Поражение хазар в войнах с арабами и значение последних для Восточной Европы. Принятие иудаизма в качестве государственной религии Хазарского каганата и последствия этого акта для хазар и других обществ Восточной Европы.

Изменения на карте Восточной Европы в первой половине IX в. Сооружения Саркела на Дону и продвижение мадьярских племен (союзников хазар) в степях Северного Причерноморья. Русский каганат проблемы и варианты ответа на них.

Рассказ ПВЛ о подчинении восточнославянских территорий (полянской, северянской, радимичской, вятыческой земель) хазарам, хронология этих событий. Борьба Южной и Северной Руси в IX в. за гегемонию среди восточных славян. Объединение Севера и юга (по летописи Олегом) и значение этого события для славяно-хазарских отношений.

Русь и Хазария в первой половине X в. Походы русов на Каспий и позиция Хазарского государства. Крым и Тмутаракань в древнерусско-хазарских-византийских отношениях первой половины X в.

Войны Святослава и Хазария. Разгром русами Саркела (Белой Вежы), Атиля и Самандара и судьбы Хазарского государства. Было ли уничтожено это государство в 60 гг. X в.? Известия ал-Мукаддеси, Ибн Мискавейха и других источников X-XI вв. о Хазарии и хазарах конца X-первой половины XI вв. Хазарская колония в Киеве, ее роль и судьбы. Вопрос о хазарском влиянии на древнерусскую государственность и древнерусскую культуру. Проблема хазарского наследия.

РУСЬ И ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИЕ ПЛЕМЕНА В УП-ХIII вв.

1. В УП-УШ вв. произошло расселение славян на территории бассейнов Ильменя и Чудского озера, ранее заселенных неизвестными нам прибалтийско-финскими племенами. Территория была ранее слабо населена, и расселение славян носило мирный характер. В УП-IX вв. здесь происходит формирование племен словен и северной группы кривичей, ставших соседями прибалтийских финнов.

2. Формирование государственности у словен и кривичей произошло в IX-X вв. при участии соседних прибалтийско-финских племен: чуди - эстов и веси. Чудь и весь изначально вошли в состав Древнерусского государства.

3. В IX-XIII вв. наибольшее значение для Древнерусского государства имели отношения с самым многочисленным и наиболее развитым прибалтийско-финским племенем - чудью-эстами. Восточная Эстония находилась почти все это время под политическим и культурным влиянием Древней Руси.

4. В начале XI в. Древнерусское государство распространяет свое политическое влияние на территорию другого крупного прибалтийско-финского племени еми, жившей в средней части южной Финляндии. В XI - первой половине XIII в. емь находилась в зависимости от Новгорода.

5. В научной литературе существует мнение, что политическое и экономическое влияние Древней Руси распространилось и на финское племя сумь, жившее в юго-западной Финляндии; мнение это спорно.

6. В XI - начале XIII вв. под политическим и культурным влиянием Древней Руси находилось и жившее в низовьях Западной Двины и на берегах Рижского залива прибалтийско-финское племя ливов.

7. Прибалтийско-финское племя карел, жившее в восточной Финляндии, на Карельском перешейке и в северном Приладожье, оказалось под политическим и культурным влиянием Древней Руси не позднее конца X в. и в XII-XIII вв. стало прочно поддерживать власть Новгорода. Карелами в XII-XIII вв. были освоены и частично заселены огромные пространства северных лесов между Ладожским озером, Ботническим заливом и Белым морем.

8. Прибалтийско-финские племена водь и ижора, жившие на юж-

ном побережье Финского залива (водь) и на берегах Невы (ижора), с конца X - начала XI в. прочно находились под политическим и культурным влиянием Древней Руси.

9. Прибалтийско-финское племя весь, жившее на территории между Ладожским, Онежским и Белым озерами, с IX-X вв. также находилось под политическим и культурным влиянием Древней Руси.

10. Таким образом, под политическим влиянием Древней Руси оказались в XI - начале XIII вв. почти все (кроме суми) или все (если считать подвластной и сумь) прибалтийско-финские племена. Во второй половине XII и в первой половине XIII в. развернулось наступление западноевропейского рыцарства на восточное побережье Балтийского моря. В начале XIII в. немецкие рыцари завоевали земли ливов и эстов. Во второй половине XII в. шведскими рыцарями была захвачена земля племени сумь, в 1249-1250 гг. - земля племени емь. Карелы, водь, ижора, весь навсегда остались в составе Русского государства.

Р.Ф.ВОРОНИНА

ЦИНСКАЯ МОРДВА УШ-ХI ВВ. И ЕЕ КОНТАКТЫ СО СЛАВЯНАМИ

I. В конце I - начале II тыс. н.э. обширная территория между речья Оки и Волги была занята древнемордовскими племенами. Не имея своей письменности, мордва редко упоминается в русских и в восточных документах. Из этих источников мы знаем лишь ее племенное название и примерную территорию. В связи с этим большое значение приобретают археологические исследования, позволяющие судить о культуре, быте и социально-экономических отношениях мордвы.

2. Современная мордва подразделяется на: мокшу, эрзю, тюрио-хана. В древности этих племен, вероятно, было значительно больше, о чем свидетельствуют этнографические исследования конца XIX и XX в. Геккеля, Н.В.Спрыгиной, Белицер, составившим по головным уборам и одежде карту распространения головных уборов, связанных, вероятно, с древнемордовскими племенами, вошедшими позднее в мокшанский и эрзянский племенные союзы и поглощенные этими самыми сильными племенами.

3. К сожалению, период конца I - начала II тыс. археологические памятники большей частью представлены ритуальными памятниками - могильниками. Поселения мало исследованы.

4. Среди памятников, составленных древне-мордовскими племенами, Цинская мордва – самая западная, пограничная. Она представлена могильниками и поселениями, расположеннымными по обеим берегам р. Цны и ее притокам. Исследовались лишь могильники, поселения известны, но никогда не раскапывались и частично уже погибли.

5. В вопросе этнического состава цинской мордовы нет единого мнения; часть исследователей считает ее единой и связывает с мордовой-мокшой. Другая, в том числе и автор выделяет из всей группы цинских памятников средне-цинскую, расположенную по среднему течению в окрестностях Моршанска в особую группу, оставленную особым, не дошедшем до нашего времени племенем.

6. Древне-мордовские племена были языческими. Они верили в загробный мир и представляли его как продолжение жизни земной. Значительно своеобразие культуры финских племен, выражавшееся в обилии металлических украшений и обычая вышивать одежду и головные уборы оловянным бисером и привесками, дает возможность реконструировать одежду и головные уборы средне-цинской и цинской мордовы. Вместе с покойником в могилу "на тот свет" клали все те вещи, которыми он пользовался при жизни: украшения, гривны, бусы, браслеты; оружие – наконечники копий, стрел, боевые топоры, мечи; орудия труда – топоры, ножи, скобели, у мужчин; кручки, пряслица – у женщин, а в наиболее богатых мужских погребениях – конскую сбрую, поясные наборы и жену или наложницу. Все это делает погребения прекрасным источником для изучения быта, культуры и ремесел и социальных отношений в обществе, оставившем могильники VIII–XI вв.

7. Исследование погребального обряда и материала средне-цинских и цинских могильников показало, что основным погребальным обрядом были погребения в грунтовых могилах прямоугольной формы со скругленными углами. Распространены два обряда погребения: трупоположение и сжигание на стороне, без вещей, а затем захоронение тщательно выбранных из костра кальцинированных костей, сложенных в гробовину вместе с сопровождавшими их вещами. Оба обряда характерны для всей цинской группы могильников: как для Среднечинской (Елизавет-Михайловский, Пановский, Крюково-Кужновский), так и для южно-цинских (Куликовский, Лядинский). Для погребального обряда средне-цинских могильников характерна пестрота ориентировок покойников с преобладанием обычая хоронить головой на восток или

юго-восток, положив его вытянуто на спине. Для южно-цинских могильников характерен обычай кладь покойников головой на юг. Такая ориентировка погребенных продолжала существовать у мордвы-мокши вплоть до крещения (до ХVIII в.).

8. Исследование цинских могильников показало, что в VIII-XI вв. эти племена находились на стадии разложения родо-племенных отношений. Особенно этот процесс усилился с возникновением Хазарского каганата. В конце VIII-IX в. особенно бурно идет процесс развития подсечного земледелия, развития ремесел, о чем свидетельствует стандартизация украшений и оружия. Развиваются торговые связи с югом и востоком. Из письменных источников мы знаем, что мордва поставляла воск, мед, меха, рабов, получая взамен предметы роскоши, оружие, украшения, о чем свидетельствует большой процент салтовских вещей в погребениях цинских могильников. В IX-X вв. процесс имущественного расслоения усиливается, идет выделение родовой и племенной знати и скопления богатств в ее руках. Уменьшается количество погребений с оружием, распространяются погребения конных воинов, сопровождаемых богатым набором вещей: оружия, украшений, принадлежавших племенной верхушке. Захороненные в них конные воины, вероятно, образовывали тяжелоооруженные конные отряды, являвшиеся прообразом будущих феодальных дружины. В недрах старого родового строя зарождаются зачатки нового, феодального. Вероятно, складываются зачатки княжеской власти. В этот период сильно южное влияние (хазарское).

9. С падением Хазарского каганата усиливается роль Волжской Болгарии и славян. Мордовские племена распадлись на две враждебные группы. Одна попадает в зависимость Волжской Болгарии, другая – Рязанского князя.

10. Связи со славянами можно прослеживать еще с V-VI вв., о чем свидетельствуют фибулы, украшения. С падением Хазарского каганата эти связи усиливаются. В погребениях Крюково-Кужновского, Пановского, Лядинского могильников в изобилии встречаются славянские украшения: бусы, перстни, браслеты, гривны, оружие, крестовидные привески и т.д. В это же время в средне-цинских могильниках появляются захоронения отдельных представителей восточнославянского этноса.

Это проникновение шло двумя путями: с севера и северо-запада – вятчи, с юго-запада и верховья Дона – радимичи. Находки отдель-

ных славянских погребений в средне-цининских могильниках свидетельствуют не только о взаимных контактах, но, вероятно, и о распаде родовой общини и появления территории общини.

Е.Л.НАЗАРОВА

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ВЕНДОВ ЛАТВИИ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Происхождение вендов до сих пор остается одной из загадок в истории Латвии. Впервые эту этническую группу упомянул в начале XIII в. автор "Хроники Ливонии". В то время они жили в районе современного Цесиса, но считали себя выходцами с низовьев реки Венты, вытесненными куршами. После XIII в. в письменных источниках они не упоминаются.

Интерес исследователей к этой группе населения определяется в первую очередь сходством ее этнического названия и имени вендов-западных славян.

Уже в конце прошлого – начале нынешнего века в историографии существовало несколько точек зрения о происхождении вендов. Н.Н.Харузин считал их западными славянами. По мнению А.Биленштейна, венды были балтами-земгалами, И.Пегрен полагал, что они были ливами. Крупнейший латышский языковед Я.Эндзелин, изучая особенности языка населения Западной Видземе, выделил в нем элементы, сходные с языком латышей Курземе. На этом основании он предположил, что венды – балты-курши. Приведенные точки зрения основывались в основном на лингвистических данных и далеко не всегда сопровождались достаточной аргументацией.

В советской историографии интерес к истории вендов возрос с 50-х годов. При этом получили развитие две из высказанных ранее точек зрения. Первую – о славянском происхождении вендов, в 1954 г. развивал Д.И.Зеленин. Он не сомневался, что венды Латвии – это западные славяне – венты, венеты, а река Вента, по его мнению, получила свое название от имени народа. Он считал, что о присутствии славян в Латвии и Эстонии свидетельствуют топонимы, производные от "вене" венды. Кроме того, он полагал, что в латышском языке есть следы влияния языка балтийских славян, что также считал подтверждением славянского происхождения латвийских вендов. Но его

предположения не всегда доказательны и расходятся с заключениями лингвистов.

Мнение о западнославянском происхождении вендов поддерживал антрополог М.В.Витов. Подтверждением этого вывода, как он полагал, могло быть сходство антропологических особенностей латышей Вентспилса и крайнего запада Латвии и населения Мекленбурга и Померья. Хотя при этом современный латвийский материал сравнивался с материалом южнобалтийского побережья X-XI вв., результаты данного исследования были признаны убедительными рядом ученых. Например, латышские исследователи А.Янсонс и К.Анцитис считали выводы Витова важным аргументом для подтверждения этнического происхождения вендов. Этническую связь между вендами Латвии и западными славянами допускает и Э.Тарвел.

Другая точка зрения – о вендах, как ливах Северной Курземе, вытесненных оттуда в XI-XII вв. куршами, поддержаны и развиты Э.Мугуревичем. Его исследования строятся главным образом на сопоставительном анализе археологического материала конца I – начала II тыс. н.э. из Курземе и районов Риги и Цесиса (Вендена), где, судя по сообщению хроники, следует искать следы вендов. Хотя материал, которым можно оперировать, немногочисленен, можно все же говорить об определенном сходстве материальной культуры населения этого района и района Цесиса в XI-XIII вв. По заключению Мугуревича, венды – это ливы Северной Курземе, на культуре которых сказалось куршское, земгальское и скандинавское влияние.

Важным для изучения истории вендов явилось археологическое исследование городища Риекстукалнс около Цесиса, которое в историографии отождествлялось с городищем вендов "Хроники Ливонии". Раскопки (Я.Апалс) свидетельствуют о том, что на городище в XII-XIII вв. жили ливы, тогда как весь этот район входит в ареал латгальской культуры.

Исследование краниологического материала из памятников Курзeme УП-ХУП вв., проведенное в 60 – нач. 70-х гг. Р.Я.Денисовой, говорит о наличии здесь прибалтийско-финнского и балтского населения. Однако краниологический материал с памятников, связываемых непосредственно с вендинами, отсутствует.

Проводимые в последние десятилетия исследования топонимов и гидронимов Курзeme (М.Рудзите) показывают, что район нижнего течения р. Венты и южнее до Лиепаи входит в ареал древней прибалтийско-финской топонимики.

Таким образом, на современном этапе изучения истории вендов более обоснованным представляется заключение об их прибалтийско-финском происхождении. Более вероятным кажется и то, что название этнической группы возникло по территории их обитания на р. Венте, а не наоборот, как полагают сторонники славянского происхождения вендов.

Все же малочисленность данных не позволяет пока считать вопрос о происхождении вендов решенным.

Важным шагом к решению проблемы вендов было бы выяснение этимологии названия р. Венты. По предположению Я.Эндзелина и М.Фасмера, это - древнее куршское название со значением "большая река". Их вывод разделяется не всеми исследователями, хотя такое толкование представляется весьма вероятным. Если же дальнейшее исследование лингвистов подтвердит это предположение, то потребует уточнения тезис о ливском происхождении вендов и встанет вопрос о доле балтского этноса в образовании данной группы населения.

А.Г.АЛЕКСИН

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ФАНАГОРИЯ И ЕЕ МЕСТО СРЕДИ
ОДНОВРЕМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРНОГО
ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

1. Городище Фанагория расположено на южном берегу Таманского залива у пос. Сенной в 22 км от знаменитой Тамани. Площадь городища оценивается ныне более чем в 50 га, из которых 12-15 затоплено водами Таманского залива.

2. К материалам и письменным упоминаниям средневековой Фанагории археологи и историки обращались нечасто. Споры вызывало и время возникновения средневекового поселения и причины его гибели, и связь Фанагории с историей болгарских племен и т.д. В 1982-1985 гг. удалось получить "стратиграфическую" колонку, отражающую, на наш взгляд, основные этапы жизни города с VI по кон. IX - нач. X в. Эта колонка дополняется материалами предыдущих раскопок.

3. Вышеупомянутыми работами в центральной части городища на берегу залива открыто пять крупных строительных периодов, относящихся к средневековью. Самый нижний представлен большим зданием

с пристройкой, построенными в позднеантичной традиции. В пристройке найдены пифос и громадная амфора. К пристройке примыкала прямоугольная глинянитная печь с вмазанным у устья небольшим пифосом. Все эти сооружения сгорели в сильном пожаре, связанном с нашествием, т.к. в слое найдены камни от метательных машин. Слой пожара можно датировать первыми десятилетиями VI в. по многочисленным находкам краснолаковой посуды с изображением животных и крестов.

4. Следующий строительный период представлен незначительными остатками сырцовых стен и очагом открытого типа. Этот комплекс также сгорел в огне большого пожара.

5. Следующие два строительных периода – остатки двух последовательно сменявших друг друга домов с каменными цоколями, сложенными в "ёлочку". Верхнее, наиболее сохранившееся здание – это двухкамерный дом. По составу керамики его можно датировать сер. – втор. пол. IX в. (коричневоглиняная амфора, высокий одноручный кувшин, расписная фляга). Дом был в спешке покинут обитателями – амфора и фляга остались брошенными на месте. Подобная же картина наблюдалась при раскопках этого слоя в 1954 г., а при раскопках на Верхнем городе в 1978 г. открыт дом, сгоревший в пожаре в то же время.

Описанные выше 4 строительных периода следовали почти без перерыва один за другим, т.к. стены последующих домов строились на месте стен предыдущих. Это нам говорит также об устойчивой городской и усадебной планировке средневековой Фанагории.

6. После 4 отропительного периода жизнь на участке на некоторое время замирает. Здание 5 строительного периода, также с каменным цоколем в "ёлочку", строится перпендикулярно к предыдущему. При этом торцевая и внутренняя стена двухкамерного дома расположены непосредственно над длинными боковыми стенами дома 4 строительного периода. Датировать последний дом можно, по-видимому, концом IX – началом X в., т.к. нет характерных для X в. типов амфор, византийской поливы и т.д. О прекращении жизни на городище именно в этот период говорит нам практически полное отсутствие вышеупомянутой византийской поливы (нам известны только три находки подобного рода), стеклянных браслетов (в нашем распоряжении лишь один), амфорного материала X–XI в. (кроме типов продолжающих существование в X в.), незначительное количество высоких одноручных кувшинов, что косвенно подтверждает подобную дату.

7. Картина, полученная при раскопках находит свое подтвержде-

ние и в письменных источниках. Сообщение Прокопия из Кесарии о разрушении до основания Фанагории и Кеп варварами – это слой полного разгрома первых десятилетий VI в.

8. Рассказы Феофана и Никифора, рисующие нам Фанагорию под властью хазар в начале VII в. мы склонны связывать с 3 строительным периодом, когда появляется первое здание с цоколем в "ёлочку". Здание 4 строительного периода, двухкамерное – время Хазарского каганата VII–IX вв. Погребения этого периода по обряду можно связать с болгарами, хотя точнее могли бы сказать лишь антропологические исследования.

9. Вопрос о Фанагории как столице Великой Болгарии остается пока открытым. Проблематично его связывать со 2 строительным периодом, тем более что материалов пока явно недостаточно.

10. Прекращение жизни на участке в конце 4 строительного периода можно связать с каким-то крупным нашествием середины – второй половины IX в. При этом, скорее всего, жители были уведены нападавшими, – в противном случае жизнь возобновилась бы почти сразу.

II. После разгрома Фанагории в IX в. политический и торговый центр хазар на Таманском полуострове перемещается в Таматарху, которая позже становится политическим и торговым центром русских князей, основавших в этих местах Тмутараканское княжество. Попытка возобновления жизни в Фанагории в конце IX в. оказалась неудачной. Последний дом просуществовал не дольше первых десятилетий X в. Все дело, на наш взгляд, в том, что: а) в сложившейся новой политической и экономической ситуации на полуострове, имевшей своим продолжением его расцвет в период Тмутараканского княжества, существованию Фанагории не оставалось места; по своему микрографическому положению она как бы выпадала из цепи связанных между собой поселений во главе Таматархой–Тмутараканью; б) изменились природные условия. Повысился уровень моря, который был выше, чем современный. В результате размыта береговой линии и мелководья Фанагория лишается удобных подходов для кораблей. Для обескровленного нашествием города справиться с подобным явлением было невозможно.

В результате всего комплекса причин жизнь на территории города прекратилась и более не возобновлялась.

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ СЛАВЯН С НЕСЛАВЯНСКИМИ
НАРОДАМИ БАЛКАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА**

Исследования последних десятилетий дали значительный по объему лингвистический материал, детально характеризующий ранние контакты славян с неславянскими народами Балканского п-ова в тех случаях, когда эти контакты были действительно глубокими и интенсивными. Речь идет прежде всего о взаимовлиянии славян и носителей трех основных (до начала славянской колонизации) неславянских языков полуострова: среднегреческого, восточнороманского (= прарумынского) и раннеалбанского. Языковые последствия встреч славян с греками, романцами и албанцами были различны и, как нам уже приходилось отмечать, далеко не всегда отражали истинное соотношение сил в области материальной и духовной культуры или общественного устройства. Вместе с тем, анализ заимствований из славянского в названные языки, и наоборот, позволяет (наряду с данными глоттохронологии) сделать выводы относительно того, какие именно (пра)славянские диалектные группы и в какое время осуществляли заселение Балканского п-ова. Существенными здесь оказываются, в частности, свидетельства греческой топонимики славянского происхождения и ранние апеллативные заимствования из славянского в албанский, показывающие, что

1) первые группы славян, заселявшие Балканы, были в лингвистическом плане весьма близки, но не идентичны болгаро-македонским говорам (о чем говорит, например, система ударения в славянской топонимике Греции);

2) в составе первых славянских поселенцев имелись, видимо, носители западнославянских и восточнославянских диалектов (на что указывают, к примеру, некоторые ранние славянские заимствования в греческую топонимику и в албанский, неизвестные южнославянским языкам, но зато предоставленные в западно- или восточнославянском,ср. греч. МН *Poroba* алб. *reggua* < раннеалб. **parowa* из (зап.-)слав. **rogova*, **rogot*; ср. также некоторые переклички греческой топонимики славянского происхождения и восточнославянской этнографии, замеченные еще Фасмером).

Сегодня с достаточной уверенностью можно дать отрицательный

ответ на вопрос о том, застали ли славяне на Балканском п-ове фрако- или дакоязычное население. Гипотетические фрако-дакийские заимствования в юнославянском при ближайшем рассмотрении оказываются мнимой величиной так же, как и пресловутые славянские то-понимы у Прокопия. Вместе с тем, в этноязыковую обстановку на Балканах и на подступах к ним необходимо включить такой существенный и ранее недооцененный фактор, как восточногерманский (готский) элемент. Есть веские основания рассматривать хотя бы часть ранних романских (гэрп. народнолатинских) вкраплений в славянский как заимствования, осуществленные на Балканах ~~или~~ по соседству с ними и через (восточно)германское (а частично и раннеалбанское) посредство. Вероятно, на Балканском п-ове славянами было освоено и большинство заимствований из готского, а также некоторые другие германские лексические элементы (например, слав. *korl'ь).

Постепенно вырисовываются и контуры славяно-иранских контактов, происходивших на Балканах. При этом удается выделить особые западноиранские (то есть не скифские!) заимствования в славянский и - параллельно - в раннеалбанский (ср., например, слав. *vatra < раннеалб. *watra из зап.-иран. *ât(a)gr-; алб. shaké "собака" < зап.-иран. *saka < иран. *spaka и под.). Существенным западноиранским элементом в юнославянском мы считаем слав. *vada "оросительный канал" - из зап.-иран. *vadi, *vada то же. Следует, видимо, согласиться с О.Н.Трубачевым (указавшим на такое интересное заимствование, как самодива < зап.-иран. *asma-daiva)

в том, что появление западноиранского этнического элемента на Балканах связано с булгарским нашествием.

Е.П.НАУМОВ

СЛАВЯНЕ И ВЛАХИ ИЛИРИКА (НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

Возросший в последнее время интерес к проблемам этногенеза, славянского этнического самосознания, формирования славянских раннефеодальных народностей закономерно обусловил и необходимость пристального внимания к вопросам славянского заселения Балкан, взаимоотношений балканских славян с местным романским и романизованным населением, которое в средневековых источниках обычно обо-

значалось термином "влахи" (в русских памятниках - "волохи"). В историографии уже отмечалась (в частности, в работах Ю.В.Бромлея, В.Д.Королюка и других ученых) настоятельная потребность комплексного исследования всего этого сложного круга вопросов, привлечения материалов не только письменных памятников средневековья, но и данных археологии, лингвистики, антропологии, этнографии, учета специфики письменных источников (их неполноты, односторонности и тенденциозности, в особенности - в показе масштабов славянских переселений на Балканы, в том числе - в пределы античного Иллирика), топонимики и средневековой этнической терминологии. В рамках исследования отношений славян и "влахов" Иллирика, как подчеркивалось в работах советских ученых (Ю.В.Бромлея, В.Д.Королюка и др.), особое место занимает анализ бурных процессов на этой территории на рубеже XI и XII вв., связанных с нарастанием славянских передвижений на юг, за Дунай и Саву, и последними попытками Византии удержать северную границу от натиска "варваров". Показательно также, что уже в средневековой историографии (например, в Повести временных лет, о чём специально писал В.Д.Королюк), а также в Летописи попа Дуклянина) данный рубеж приобрел немалое значение в общей системе этногенетических и исторических представлений той поры.

Е.М.ВЕРЕЩАГИН

СЛАВЯНО-ВИЗАНТИЙСКИЙ ХАРАКТЕР ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ

I. Внешние обстоятельства начала миссии Кирилла и Мефодия, если судить по источникам, легко вписываются в традиционную схему просвещения христианской Византией варварского народа. Моравский князь Ростислав пишет византийскому императору Михаилу III: "И послѣте ны учителя, иже ны могутъ сказать книжная словеса и разумъ ихъ". Михаил отвечает: "Богъ сътвори нынѧ испльнити се твоему прощению, въ наша лѣта ѧвль боукви въ вашъ езыкъ. (...) И послахомъ ти того, емоу же єесть богъ ѧвиль се, моужа чистна и благовѣрна, и книжна зѣло философа". Следует ли и внутренние черты деятельности Кирилла и Мефодия трактовать аналогично: византийская ученость раздает и поучает, а "словѣни, проста чадъ", принимают и

впитывают? В докладе предпринимается попытка ответить на вопрос, причем тема ограничена одной лишь историей возникновения первого литературного языка славян.

2. С одной стороны, древнеславянский литературный язык, испытав мощнейшее воздействие греческого, действительно содержит в себе обширный пласт византийской образованности, а через нее и античного наследия. Так, в "Написании о правѣ вѣрѣ", источнике, переведенном несомненно в Кирилло-Мефодиевское время и представляющем собой славянскую передачу Средо константинопольского патриарха Никифора (около 758–829), представлена в развитом виде апofатическая гносеологическая терминология: нерожденъ, неизвѣдомъ, нераздѣльнъ, нерастѣнъ, неодрѣжимъ, непрѣломънъ, несмѣшнъ, непорочнъ, неизмѣннъ, нескѣднъ, несъмыслнъ, невидимъ, неисправрѣжнъ, неописанъ, неизречнъ, неизглаголанъ, неразмѣшнъ, несъврѣшнъ, неистлѣннъ, бессъмрѣтнъ, безглавнъ, безначальнъ, бесконечнъ, безвѣменнъ, беспльствнъ и т.д. Таким образом, именно ко времени деятельности Кирилла и Мефодия восходят современные научные негативные термины отвлеченной семантики, без которых немыслим, например, русский философский язык. Наряду с терминологией, древнеславянский язык воспринял от греческого синтаксические конструкции, позволяющие зародиться и выразиться сложной и разветвленной мысли.

3. С другой стороны, древнеславянский литературный язык – это (в отличие, скажем, от готского) не механический слепок греческого. Морфологическая система свободна от влияний. Сохранна и такая, казалось бы, проницаемая область языка, как словосочетаемость. Так, греч. глагол *βάλλω* в самостоятельном значении регулярно переводится как врѣши или мѣтати. Если же за *βάλλω* следует имя, то в зависимости от него в славянском появляются самые разнообразные соответствия: въложити (прѣсты въ оупи), въньзити (ножъ въ ножница), въсадити (въ тьмница), изъсплати (солъ), вълинати (водя въ оумывальниця); если же учесть производные от *βάλλω* то лексическое варьирование еще увеличивается: прошибатиса, стѣзатиса, снитиса, сълагати, приложити, изгонити, ижденяти, извести, истѣкнати, изѣти, пронести, исходить и др. Контакт греческого и славянского языков имел совершенно иные последствия по сравнению с результатами опустошающего воздействия греческого, например, на готский или на коптский. Славянский язык – народная

основа вновь созданной литературной речи – в основных характеристиках сохранил и утвердил себя в ходе интенсивнейшего взаимодействия.

4. Приводится и другой материал, позволяющий сделать вывод: в просветительской деятельности Кирилла и Мефодия славянский и византийский культурообразующие элементы сочетались в гармоничном синтезе, что свидетельствует, в частности, о достаточной лексико-грамматической развитости бесписьменного народного славянского языка в середине IX в.

А.Б.СТРАХОВ

О ВОЗМОЖНОМ УЧАСТИИ ЮЖНЫХ СЛАВЯН В ХРИСТИАНИЗАЦИИ РУСИ (ПО ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИМ ДАННЫМ)

Имеется достаточно много исторических и лингвистических свидетельств об интенсивной славянизации Греции в XI-XIII вв. Известны факты выдвижения южных славян на видные места в византийской государственной и церковной иерархии. Славянские гlossenсы и макаронизмы в сочинениях византийских авторов и данные ономастики говорят о том, что славянский элемент не был полностью ассимилирован и в XI-XII вв. Совокупность этих фактов повышает вероятность участия южных славян, подданных Империи, в христианизации Руси, осуществляемой под руководством греко-византийских иерархов.

Процесс христианизации и начального духовного просвещения подразумевал тесные контакты пастырей с новокрещеной паствой, выдвигая на первый план такие устные формы и жанры, как проповедь и уверение, в которых наряду с церковнославянским языком неминуемо должен был использоваться *Muttersprache* низшего и среднего духовенства, взявшей на себя на некоторое время функции устной разновидности книжного церковнославянского языка.

Косвенным подтверждением присутствия южнославянских миссионеров на Руси могут стать обнаруженные следы некнижного (хотя и "околоцерковного") влияния ю.-слав. языков (и, в первую очередь, древнеболгарских диалектов) на восточнославянские городские и сельские говоры. Искать эти реликты следует, по-видимому, в терминологии народно-христианской ("двоеверной") обрядности, в демонологии, в терминологии христианизированной морали. Ср. яркие бал-

канизмы в восточнославянских диалектах: погач, корочун, русалка и др., названия 'ведьмы': типично ю.-слав. вешница (Пермская губ.) и типично балканское стрига (Костромская губ.). Ряд незафиксированных книжными текстами гречизмов попал на Русь через ю.-слав. устное посредство (ср.: смоленск. лисица 'цепь, к которой привязывали в старину в церквях грешников': болг. лисида 'цепь', с.-х. лисице 'наручники, ручные кандалы': др.-греч. λύσις λύσις 'цепь'). Древность заимствования этого слова восточными славянами удостоверяют факты его диалектного калькирования, реализующие (в результате сближения с лисица 'vulpes') модель: 'зооним' \rightsquigarrow 'цепь, кандалы' (ср.: блр., укр. куна, куница).

Под этим же углом зрения должны быть рассмотрены диалектные слова, форма которых хранит неизгладимый отпечаток ю.-слав. происхождения (рефлексы *tort-/*tert-, *tj, *dj), а семантика расходится со значением идентичных форм в ц.-слав. языке, но совпадает со значениями аналогичных слов в ю.-слав. диалектах.

В этом смысле характерна история появления в восточнославянских диалектах слов на благ/блаж- с отрицательными значениями. Пейоративная семантика этих форм и широкое их распространение по диалектам получают объяснение только на основе южнославянских диалектных данных и предполагаемых обстоятельств крещения Руси.

В связи с принятием христианства и ригористической православной концепции постного жития ю.-слав. формы с корнем благ-/блаж- 'добрый, мягкий, хороший', 'жирный, сладкий, молочный (о пище)' оказались резко дифференцированы в семантико-функциональном и экспрессивном отношениях. В книжных переводных текстах слова с корнем благ-/блаж- служат для передачи самой высокой сакральной стилистики и семантики.

В народном бытовом употреблении положительный ореол продолжает сохраняться вокруг слов со значением 'сладкий': болг. благы яблъки, с.-х. благо млијеко, макед. благ сушук. Но призывы и понуждения священников к строгому обязательному пощению и, видимо, не в последнюю очередь, их язык, ориентированный на народное словоупотребление, начинают придавать значениям 'жирный, молочный' пейоративный оттенок: 'скоромный, скоромиться' \rightarrow 'послаблять в правилах' \rightarrow 'преступать запрет' (ср. болг. блажа 'есть скромное в пост', отблажа 'начать поститься', с.-х. блажити, макед.

блажи 'скоромиться'). Отсюда недалеко и до значений нечистый, проклятый (ср. болг. блажны, с.-х. (Дубровник) blažen). Развитие семантических оттенков в направлении от нарушать пост к давать поблажку, послаблять, попущать проникло и в старославянские памятники болгарского извода. Эта эволюция в книжном языке остановилась на полпути к конечной цели – приобретению формами на благ-/блаж- резко пейоративных оттенков.

Показательны болгарские наввания скромных временных отрезков: блажотии 'время от Рождества до Масленицы', блажни дни 'Святки', бишкене дене 'тж.' (букв. 'свинячьи дни'), употребляемые наряду с нечисти дни, дяволски днѧ, поскольку "блажное" время начинает связываться с разгулом нечистой силы; к нему приурочиваются ряженье, бесчинства, игры, не приемлемые православным агеластизмом, и пр.

Вместе с христианством, строгими постами, формирующими народно-христианскими "двоеверными" обычаями и священниками, знакомыми с ними, на Русь перешла и ю.-слав. традиция обозначать словами с корнем благ-/блаж- допускаемые в сфере пищевых и поведенческих норм отступления и послабления. За значениями восточнослав. диал. и просторечных слов с корнем благ-/блаж- 'своенравный', 'криклий' (о детях), 'дурной' и т.д. стоит более общее: 'преступающий/преступать нормы и запреты (первоначально: в пище)'. Ср.: 'с жи ру ино и неблажной блажит'.

Этими терминами южнославянско-восточнославянские связи в области пищевых запретов не исчерпываются. Ср.: русск. диал. кривая неделя 'Троицкая неделя', кривые недели 'Святки, неделя после Пасхи, Троицкая и Масленица', т.е. скромные недели и болг. диал. кривий са 'яде се блажно', Крива ср'ада. Изолированное укр. омервнутися 'еграге' сходным образом связано с ю.-слав. *m̄brsiti 'нарушать пост' → нарушать порядок, приводить в замешательство : *m̄rsent (синоним к *blaženę).

Г.Г. ЛИТАВРИН
ПРИНЦИП НАСЛЕДСТВЕННОСТИ ВЛАСТИ В ВИЗАНТИИ И
В БОЛГАРИИ В УП-ХI вв.

1. Вопрос о наследственности верховной власти в Византии и в Болгарии в раннефеодальный период составлял, как и в ряде других европейских государств того времени, один из центральных пунктов господствующей в обществе официальной политической теории.

2. Несмотря на постоянные тесные связи с Византией и на ее многостороннее влияние на Первое Болгарское царство, развитие Института наследственной власти в обоих государствах совершалось разными путями и в различных формах.

3. Византия унаследовала аппарат государственной власти от Позднеримской империи, византийский император занимал центральное место в давно сложившейся и лишь трансформированной в переходную эпоху государственной системе, положение императора определялось традиционной позднеримской политической доктриной, не содержавшей принципа наследственности власти в качестве официально признанного права правящего дома (династии), христианская церковь и официальная теория освящали единовластие государя, его роль в обществе, его трон, но не его личность и не права его семьи (рода).

4. Власть болгарского государя была генетически связана с властью вождя (хана, князя) союзно-племенного объединения, она утверждалась в качестве монархической вместе со становлением самой раннефеодальной государственности, принцип наследственной власти государя (его рода, семьи) был воспринят в оформляющихся на землях империи "варварских" государствах в том числе в Болгарии, от протогосударственных политических систем на последних этапах их развития, упрочивающий свое положение в качестве монарха правитель сам участвовал в создании и совершенствовании аппарата власти, христианская церковь, обычное право и этно-политические традиции местного общества освещали в Болгарии не только положение монарха в обществе и его трон, но и самую его личность и права его семьи (рода).

5. Среди факторов, обусловивших особенности положения носителя верховной власти в Болгарии в конце УП-середине

IX в., чрезвычайно трудно разграничить славянские и притоболгарские по происхождению, лишь гипотетически с протоболгарской традицией можно связать гипертрофию военной функции хана (князя) и весьма крупную политическую роль в центральном управлении членов правящего клана (рода).

6. В Византии принцип наследственности власти утверждался как политическая практика в ожесточенной борьбе: одним из обычных средств легитимизации прав наследования малолетних детей императора или иных его родичей был институт соправительства; четко отразился в политической теории принцип наследственности власти лишь в правление македонской династии (держала престол 190 лет); еще более широкое признание он нашел с победой военной аристократии, приведшей к власти Комнинов (правили более ста лет); но окончательно утвердился в империи только в XIII-XIV вв., при Палеологах; в целом в Империи при наследовании трона соблюдался принцип майората (вплоть до начала XI в. империя почти не знала междуусобий внутри династии (между членами правящей семьи); узурпация престола сопровождалась физическим уничтожением свергнутого государя (как и его наследников), постижением в монахи, ослеплением, оскоплением.

7. В Болгарии с ходом развития феодализма происходило напротив, вслед за усилением борьбы между группировками господствующего класса, все более частое нарушение принципа наследственности власти, соправительство – как прямое следствие этой тенденции – возникло в конце XII в., и напротив – междуусобия между членами правящего дома как выражение противоречий внутри господствующего класса ярко проявились уже в первой половине X в. Смена на троне Болгарии в период правления одной и той же династии не была подчинена в конце IX-начале XI вв. принципу майората: наследница престола определял государь, оставляющий трон, и это его право обычно не оспаривалось ни другими членами царской семьи, ни правящими кругами знати.

8. Указанные выше отличия между империей и Болгарией в принципах наследования верховной власти коренятся в особенностях социально-экономического и общественно-политичес-

кого развития этих стран, в значительной мере эти различия обусловлены спецификой форм централизованной и частно-феодальной эксплуатации в обеих державах и имевшими место в них различиями в соотношении и положении разных группировок и прослоек внутри господствующих классов.

"ИЗБОРНИК СВЯТОСЛАВА 1073 Г." КАК ПАМЯТНИК
ВИЗАНТИНО-СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Как известно, "Изборник 1073 г." - второй по древности (после Остромирова евангелия) датированный памятник древнерусской книжности - восходит к древнеболгарскому протографу - несохранившемуся Изборнику царя Симеона, который в свою очередь представлял собой перевод, созданный на рубеже IX-X вв., с византийского греческого прототипа памятника. Основной его объем занимают так называемые "Вопросы и ответы", дожедшиеся под именем Анастасия Синаита - автора УП - начала XII вв., хотя по своему составу произведение, включающее в себя и выдержки из сочинений патриарха Никифора, Михаила Синкелла и др., обрело свой дошедший до нас облик, очевидно, в IX в. В начале и конце "Изборника" добавлены фрагменты патристических сочинений, произведений философского, естественно-математического, филологического и исторического содержания.

Уже давно в науке предпринимались попытки определить византийский "источник" славянского текста Изборника. Если в прошлом веке А.В.Горский, К.И.Невоструев, О.М.Бодянский, говоря о "греческом оригинале" памятника подразумевали список X в. Coisl.gr.120, то сравнительно недавно Б.Пейчев предложил считать протографом Изборника Симеона-Святослава другой список X в. - Vat.gr.423 текст которого, якобы, практически полностью совпадает с "Изборником 1073 г.".

Произведенная, однако, колляция текстов сохранившихся древнейших греческих списков с текстом "Изборника Святослава" не позволяет поддержать ни одно из этих категорических заключений. Картина взаимоотношений славянского текста к прототипу вырисовывается значительно более сложной.

Первым этапом исследования было определение рукописной традиции текста греческого прототипа памятника. К настоящему времени известно девять его списков: четыре - X в. (Coisl.gr.120; Vat.gr. 423; Patm.109; Ambr.B.88 sup.), один - XI в. (Par.gr.922), один - XII (Coisl.gr.258), один - XIII в. (Laur.Ath. I 115) и два - XIV в. (Paris.gr.1259 A; Escor.R.III.2).

Дальнейшие розыскания привели к выводу о несомненном существ-

вований в мире различных рукописных сборников, повторяющих частично содержание "Изборника Святослава": в окружении самого различного текстового конвоя в эти своды попадали части, разделы, отдельные статьи прототипа Изборника. Помимо списков различных редакций собственно "Вопросов и ответов" Анастасия Синаита (например, Москва, ГИМ Син. гр. 265/197 Вл. – IX/X в.), известны и сборники, содержащие и другие статьи "Изборника Святослава" (например, *Meteor. Metamorph.28* – XI в.; *Athos.Гвег.* 382 – XV в.; *Athos.Dionys. 215* – XУ в.).

Предлагаемая стемма, полученная в результате текстологических исследований микрофильмов указанных выше списков, включает в себя и гипотетически реконструированный протограф славянского перевода памятника.

Анализ кратких императорских и патриарших хроник, сохранившихся в двух списках, позволяет выдвинуть рабочую гипотезу о происхождении греческого прототипа славянского Изборника. Возникнув на основе догматико-полемического компендиума Анастасия Синаита, сборник в виде "Книги спасительной" (Εβλος σωτηριος) "душеполезных повествований" (διηγήσεων φυχωφελῶν) мог офор-миться в фотианских кругах, приобретя черты энциклопедизма, и получив затем распространение в императорском скриптории в непосредственном окружении василевса, где создавались в X в. многочисленные известные сборники экспертов под патронатом Константина Багрянородного по самым различным областям знания. Книга получает название "Параллелей", отвечая на вопросы как догматического, историко-церковного содержания, так и светского – естественно-научного, астрономического, эстетического, исторического. Соответственно расширяется и состав текстов, "добавляемых" в известных нам списках к статьям, идентичным "Изборнику Святослава". Это – и заключительная часть философского содержания в старшем Куаленовском списке, и агиографические текаты, и нравоучительные главы, и толкования патристики.

Состав сборника-прототипа, как и его характер, изменяется, расширяясь тематически и жанрово.

ГРЕЧЕСКИЙ СПИСОК НОМОКАНОНА XIУ ТИТУЛОВ
/КОРМЧЕЙ КНИГИ/ РУБЕЖА IX-X ВЕКОВ

Византийские рукописи, содержащие канонический сборник XIУ титулов, постоянно привлекают к себе внимание исследователей. В.Н.Бенешевич назвал Номоканон 883 г./так называемая "фотиевская редакция"/ "великим актом самоопределения восточной церкви". История составления этого сборника и комментариев к нему изучена все еще недостаточно. Большой интерес вызывает и вопрос о времени перевода византийской синтагмы XIУ титулов в древней Руси.

Одним из наиболее ранних и весьма интересным с точки зрения палеографии списком Номоканона является Ленинградский кодекс ГПБ греч.66.

Манускрипт написан двумя основными писцами, третьим писцом написаны расположенные на полях рукописи комментарии. Первый почерк - мелкий округлый минускул, слегка наклоненный влево, с небольшим количеством унциальных форм каллы и лямбды,- без сомнения, можно сблизить с почерками рукописей "философской коллекции" //фотиевский скрипторий", конец IX в./. Второй писец имеет ярко выраженную южно-итальянскую манеру письма. Переписчика комментариев и маргинальных сколов можно отнести к столичной школе письма начала X века. Его почерк напоминает тип Вааниса-Стилиана /переписчиков Арефы Кесарийского/.

Т.о., палеографические особенности рукописи ГПБ греч.66 позволяют датировать её рубежом IX - X веков. Что же касается места написания манускрипта, то, вероятнее всего, это один из скрипториев монастырей Южной Италии, имеющий тесные связи с крупным столичным центром книгописания - "скрипторием патриарха Фотия".

О южно-итальянском происхождении кодекса ГПБ греч.66 свидетельствуют и некоторые кодикологические данные: система разлиновки тетрадей и декор рукописи.

Вывод о южно-итальянском происхождении манускрипта № 66 может послужить основой для дальнейшего текстологического и историографического изучения этого важнейшего памятника церковного канонического права.

ИЗОБРАЖЕНИЯ ПЕРВЫХ СЛАВЯНСКИХ КНЯЗЕЙ В ПАМЯТНИКАХ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ И ИСКУССТВА И ОТРАЖЕНИЕ В НИХ ВИЗАНТИЙСКИХ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ

1. Изучение изображений первых славянских князей в памятниках письменности и искусства позволяет лучше понять складывание и развитие государственной идеологии и этнического самосознания славянских стран в период раннего средневековья. Жизнеописания основателей славянских государств, равно как и их изображения, — это книга для неграмотных, играли в этом процессе большую роль.

2. Анализируя названные памятники, можно отметить как общие явления в разных славянских странах, так и особые черты, характерные для отдельной страны или для разных групп славянских стран. Очень показательны, в частности, как оцениваются первые князья-язычники из правящей династии. Чешский хронист Козьма Пражский и польский Галл Аноним считают, что об этих князьях лучше "хранить молчание" и предавать их "забвению". Сербский краль и писатель Стефан Первовенчанный начинает историю своей страны не просто с первого христианского князя, а именно с православного правителя. Что касается Болгарии, в ее средневековой историографии, если не считать простого перечня первых князей-ханов в "Именнике" вообще нет сведений о языческом периоде истории страны. Киево-печерский же монах Нестор, напротив, гордится первыми русскими князьями-язычниками и их героическими деяниями. И в то же время западнославянские хронисты весьма положительно относятся к самим основоположникам династий Пясту и Пржемыслу.

3. Если правящей династии предшествовала другая, то ее представители могли с осуждением описываться хронистами (Попель у Галла Анонима), но можно видеть и симпатию к ним (Либуше у Козьмы Пражского) или спокойное равнодушие к ним (Оскольд и Дир у Нестора).

4. Для нашей темы важно отметить, что рассказ Галла Анонима о позорном съедении Попеля мышами восходит к сообщению Титмара Мерзебургского о подобной же судьбе рыцаря из Кельна. К западноевропейской литературе восходит и рассказ Галла о Пясте, противопоставленном Попелю. Рассказ о его гостеприимстве, оказанном чу-

десным путникам, не взирая на крайнюю бедность, живо напоминает повествование о св. Германе в "Золотой легенде" Жана-де-Воронье (IX-X вв.) и в еще большей степени в "Повести о Патрике Ирландском" (XI в.). Напротив, Козьма Пражский, повествуя о Либуше и Пржемысле, руководствуется не иноземными образцами, а местными преданиями. То же мы видим и у Нестора Летописца.

5. Особое внимание в славянской хронистике уделяется князьям — крестителям своих стран. Интересы церкви и государства в равной степени способствовали этому. Обращает на себя внимание, что летописный рассказ о крещении Владимира перекликается с тем, что нам известно о крещении Бориса-Михаила Болгарского по греческим источникам (Скилица, продолжатель Феофана, Симеон Логофет), но отразившим, судя по всему, славянское сказание, в оригинальной виде не дошедшее до нас. В то же время Владимир в русских сочинениях настойчиво уподобляется первому византийскому императору Константину Великому, а княгиня Ольга матери Константина Елене. Т.е. крестители Руси уподоблялись крестителям эйкумены. Первые русские святые князья Борис и Глеб в агиографических памятниках, им посвященных, явно уподоблены чешскому князю Вячеславу. Сам борисоглебский цикл во многом сориентирован на памятники святоцацлавской агиографии.

6. В области изобразительного искусства особо богатый материал по интересующему нас вопросу дают сербские средневековые фрески, ктиторские композиции в них (см., например, росписи Студеницы и Милешева), весьма напоминают по своему содержанию аналогичные византийские изображения. При этом характерно, что если те и другие изображения в XIII—XIV вв. имели портретные черты, далекие от стилизованной идеализации, то до этого периода и после него такая стилизация совершенно очевидна.

В.В.МОРОЗОВ

О НЕКОТОРЫХ АНАЛОГИЯХ В ИСТОРИИ БОЛГАРСКОГО И РУССКОГО ГОСУДАРСТВ В ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ С ВИЗАНТИЕЙ

В годы правления Ивана Грозного московскими книжниками было создано грандиозное историко-литературное произведение ("энциклопедия XVI века", по выражению А.Е.Преснякова), ставшее известным

как Лицевой летописный свод. Его почти десять тысяч листов, содержащих изложение событий от библейских времен до 1568 г. (в донесшем до нас виде), украшены более чем шестнадцатью тысячами миниатюр.

В части Лицевого свода, посвященной всемирной истории, затронуты и события, связанные с болгаро-византийскими отношениями VIII-X вв. Им отводится около семидесяти листов между лл. 704–1185 так называемого Лицевого хронографа (ОР ГПБ. F.IU.151). Текст, как установил О.В.Творогов, был заимствован в Лицевой свод из Елинского летописца второй редакции и Хронографа 1512 г.

Включение повествования о болгарах ("нам по крещению братия суть и сродницы") в Лицевой свод само по себе заслуживает внимания, но мы обратимся лишь к двум скжетам, привлекательным и для изучения отечественной истории.

В 912 г. болгарское войско во главе с Симеоном "приидоста и до Владерны". Византийцы вынуждены были принять срочные меры, среди которых отмечена и такая: "Никола же патриарх изъде к Симеону, сему же главу наклони, патриарх же молитву сотвори в венце место свой ушевец на главу его положи". С этого момента болгарские цари (летопись их именует "князи") на миниатюрах изображаются в головных уборах, сходных с шапками русских князей, хотя о получении ими такого знака власти ничего не говорится.

Рассказ об обретении высоких византийских регалий Симеоном находит аналогию в легенде о получении киевским великим князем Владимиром Мономахом венца византийского императора (в Лицевом своде под III14 г.). Но если в 912 г. патриарх Николай I Мистик, фактический правитель в Константинополе, признал за Симеоном титул васильеса, то легенда о мономашых дарах Владимиру Евсевьевичу была полностью вымышленна. Вероятно, сделано это было под непосредственным влиянием рассказа о походе Симеона, известном из Елинского летописца, но возрастающая роль московского великого князя (как внутри страны, так и в международном плане) требовала уже более высокий символ власти (и непременно светской!), и потому в "Сказании о князьях Владимирских" Константин Мономах их легенды посыпает киевскому князю свой венец вместе с другими дарами.

Не менее любопытным рассказом, нашедшим отзвук в русской истории, можно назвать легенду о принятии христианства сестрой "князя болгарского". Плененная в битве, она была обучена грамоте и хрис-

тианскому "закону". Позднее она якобы обучила "брата своего" (имена болгар не названы) христианству, в которое тот "уверова", но лишь после чудесного исцеления болгарского народа от "недуга прокажения". Путь христианства на Русь сведен: начало его распространению приписывается Ольге (русская версия "сестры князя"?).

Однако, как и в русской истории, при Ольге христианство отнюдь не укоренилось после "просвещения" сестры болгарского государя. Христианизация вызвала сопротивление народных масс (они "совещали убить" князя, который "дерзает" нести "свет" своему народу "крестным знамением"). Нам трудно судить по тексту летописи о том, как именно нес "свет" князь, но художник Лицевого свода интерпретировал его следующим образом: крест нес один из воинов, а сам князь - меч, разящий соплеменников.

НЕРИВЯНЕ – ВЕРВИАНЕ

К загадочным средневековым племенам относятся неривяне (neriuani) Географа Баварского (IX в.) и вервиане (Вервьанои) Константина Багрянородного-Порфирогенита (середина X в.). Обращает на себя внимание схожесть этих наименований, учитывая то, что переданы они на разных языках, а возможно еще искажены при передаче языками-посредниками.

Г.Ловмиянский высказывает мысль о возможной в будущем более конкретной идентификации загадочных названий Географа Баварского при использовании новых источников, при учете средневековых наименований земель и городов, а также данных народных говоров.

Средневековые славянские большие племена состояли из малых племен, а те в свою очередь – из общин. Неривян Географа Баварского следует отнести к большим племенам. Они имели 78 градов. (Сравн., у славянского племенного союза в Полабье велетов-лютичей, по Географу Баварскому, было 98 градов). Неривяне, по мнению исследователей, не относились к племенам, пограничным с Франкским государством.

В научной литературе имеется три основные варианта локализации неривян: 1) между Западным Бугом и Наревом, где в средневековье существовала Нурская земля и где концентрируются гидронимы с основой нар-, нер-, нур-; 2) в местности Нириехуа в районе Мерзенбурга; 3) в земле Ныр в северо-восточной Венгрии.

Второй и третий варианты нельзя принять, поскольку в указанных областях могли находиться только малые славянские племена. Район Мерзенбурга, кроме того, находился на границе славян и Франкского государства.

Мы отдаем предпочтение первому варианту (средневековая Нурская земля между Западным Бугом и Наревом, концентрация гидронимов с основой нар-, нер-, нур-) с некоторой, однако, конкретизацией. Нурская земля – это небольшой средневековый регион на востоке Мазовша, на его границе с восточнославянской Берестейской землей. Здесь тоже могло бы разместиться только малое племя. Наименование Нурская земля входит в систему названий западно-восточнославянского пограничья между речью Западного Буга и Нарева с основой нар-,

нер-, нур-. Как правило, концентрация этноопределяющих географических названий находится не в центре расселения этноса, а на его окраинах, на пограничье. Значит, Нурская земля – это вероятное пограничье неривян. Действительно, Нурская земля находилась на пограничье средневековых этносов: к западу жили мазовшане, к северу – ятвяги, к северо-востоку с XI–XIII вв. – дреговичи. К востоку и юго-востоку от Нурской земли находится область, которую теперь называют Западным Полесьем, относя к нему основную часть Брестско-Пинского и Волынского Полесья. В археологическом плане эта область изучена недостаточно. Исследователи обычно включают ее в состав одного из соседних этносов: дреговичей (П.Ф.Лысенко), волынян (Ю.В.Кухаренко), древлян (М.Ю.Брайчевский). Между тем, наиболее типичные дреговические памятники локализируются к северо-востоку от линии Каменец – Слоним – низовья Горыни, наиболее типичные волынянские – к югу от линии Луцк – Ровно, наиболее типичные древлянские – к юго-востоку от Горыни (В.В.Седов). Во всех случаях Западное Полесье исключается из основной территории названных племен, не членится на части. В этом отношении оно представляет отдельную этнографическую область средневековья. Поэтому есть основание допустить локализацию здесь племени неривян.

Вервианов Константина Багрянородного исследователи обычно идентифицируют с древлянами. Но для древлян у этого автора есть наименование. Это дервленинн (*Δερβλενίννοι*). Древляне окончательно подчинены Киеву в 40-е годы X в. Основная часть Западного Полесья, видимо, вошла в состав Руси ранее. Произведение Константина Багрянородного "Об управлении империей", где приводится материал о восточнославянских племенах, написана в 948–952 гг., материал для нее собирался ранее. Вервиан же, по Константину Багрянородному, давно входит в состав Руси, регулярно платят Киеву дань.

Полагаем, что вервиане Константина Багрянородного-Порфирогенита – восточнославянское племя, не зарегистрированное "Повестью временных лет". Схожесть этого наименования с наименованием неривяне дает основание полагать, что это одно и то же племя, локализующееся в Западном Полесье.

ЧЕХИЯ И БАВАРИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ X В.
(К ВОПРОСУ ЧЕШСКО-ГЕРМАНСКИХ СВЯЗЕЙ ПЕРИОДА РАННЕГО
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ)

1. Проблема контактов Чешского княжества с Баварией в период раннего средневековья представляет собой особый предмет исследования в историографии. Существует целый ряд работ, рассматривающих проблему специально – главным образом, в плане церковно-культурных связей. Однако, в основном, вопрос затрагивается в качестве маргинального в работах, посвященных чешской истории – истории государства, проблемам христианизации и культуры раннего средневековья.

Нас вопрос о чешско-баварских связях в первой и второй трети X в. будет интересовать в контексте изучения генезиса политических контактов чешского раннефеодального государства и раннефеодальной германской империи.

2. Истоки культурно-политических связей Чешского княжества с Германией уходят в историю IX в. – именно тогда чешские племена впервые столкнулись с Франкской Империей Каролингов. Первые упоминания чешских племен встречаются у франкских авторов с нач. IX в. Анналы королевства Франков, "Жизнеописание Карла Великого" Эйнхарда называют чехов трибутиариями франкских правителей, включают их в сферу управления восточнофранкских королей.

Последняя треть IX в. приносит целый ряд изменений в международных связях Центральной Европы. В этот период в полной мере развивается кризис концепции франкского единства, углубляется процесс политической децентрализации. С другой стороны, в этот период складывается обширное государственное образование – Великая Моравия, в политическую систему которого при князе Святополке вошли и чешские племена.

Франкские источники (Фульдские анналы, хроника Регинона) сохранили ряд свидетельств, говорящих о систематических и довольно тесных связях Великой Моравии и Восточно-Франкской Империи. С известной долей осторожности и рядом оговорок мы можем отнести их к предыстории связей Чешского раннефеодального государства с немецкими землями.

С точки зрения нашей темы, а именно, политических контактов

Чехии и Баварии в первой половине X в., особого внимания заслуживает тот факт, что в последней трети IX в. Баварское герцогство превращается в один из значительных политических центров Восточно-франкского государства. Во всяком случае, Бавария совершенно отчетливо играет роль центра, через который осуществлялись контакты франкского государства с пограничными славянскими народами, в том числе с Моравией и чешскими племенами. (Яркий пример тому – в 876 г. Восточно-франкское королевство было разделено на 3 части. Один из наследников Людовика Немецкого получил, по словам Регинона, в управление Баварию, Паннонию, а также королевства славян "Bohemiebsium et Moraviensium"). Особенно интенсивно франко-моравские связи развиваются в период правления Арнульфа – герцога Баварии, затем короля и императора. Тогда же более тесными становятся и связи чешских князей с франкскими правителями. Не случайно в 895 г. чешские князья прибывают к Арнульфу в Регенсбург в поисках гарантии политической независимости от Моравии.

3. Доминирующее положение Баварии в системе взаимоотношений с Моравским государством, а также и с Чехией во второй половине IX в., было в значительной степени обусловлено ролью баварской церкви в осуществлении миссионерской и церковно-организационной деятельности в регионе. (Для раннего средневековья вообще характерен синкретизм, взаимообусловленность и взаимоперетекаемость церковной политики и собственно политической–государственно–политической – деятельности).

4. В первые десятилетия X в. – период, когда, с одной стороны, полной децентрализации достигла политическая жизнь в немецких землях, с другой – у чешских племен начался процесс государствообразования – связи Чешского княжества с Баварией принимают систематический и разнообразный характер (чешская церковь организационно подчинена Регенсбургу; организация широких церковных и монастырских связей Чехии и Баварии; примеры военно–политического сотрудничества чешского и баварского князей, право Баварии осуществлять надзор за Чехией).

5. Приход к власти Саксонской династии (919 г.) и начало политического объединения немецких земель в рамках Германского государства, что связано с выработкой относительно единой политической доктрины деятельности на Востоке, не привели вплоть до сер. X в. к значительным изменениям в характере связей Чехии и Германии. От-

ношения с саксонскими правителями до 50–60-х гг. носили в значительной степени спорадический характер; основное содержание церковных и политических связей Чешского княжества с Германией определяется взаимоотношениями с Баварией (до 70-х гг. Чехия в церковном отношении подчинена Регенсбургу, вплоть до конца X в. сохраняются традиции политического сотрудничества чешских правителей и герцогов Баварии). Хотя нельзя не отметить установления контактов с Саксонией, принимающих к последней трети X в. устойчивый характер. В 20–60 гг. Чехия играла стратегическую роль в развитии соперничества Саксонии и Баварии за политическую гегемонию в Германии.

6. Изменение характера и структуры чешско-германских связей происходит в 60–70 гг., что обусловлено целым рядом обстоятельств: 1) успешный ход процесса складывания государства в Чехии; 2) политическое объединение немецких земель в рамках Империи Оттонов; 3) выработка Имперской доктрины как совокупности принципов политической, церковной и военной деятельности Германии на международной арене. Чешское княжество оказывается непосредственно включено в осуществление церковно-политических планов Империи на Востоке; связи Чехии с Германией начинают определяться по линии взаимоотношений Чешского княжества и Империи. В целом, это отражает выход чешско-германских отношений на качественно новый уровень – с некоторым огрублением и модернизацией его можно охарактеризовать как уровень государственно-политических связей.

Е.А.МЕЛЬНИКОВА, В.Я.ПЕТРУХИН

О РОЛИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ВЗАИМОВЛИЯНИЙ В ФОРМИРОВАНИИ РАННЕФРОДАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ (РУСЬ И СКАНДИНАВИЯ)

I. В тех регионах Европы, где отсутствовал синтез с античной цивилизацией, одной из главных задач в процессах формирования господствующего слоя было преодоление племенного сепаратизма, ломка племенных традиций, в том числе культурной замкнутости. Основной социальной силой, консолидирующей разноплеменные объединения, была дружина, профессиональная военная организация, совмещавшая на ранних этапах военную с другими видами государственной деятельности: административной, фискальной, внешнеторговой и др. В этой, на-

иболее социально-активной среде происходит становление особой элитарной культуры, получившей условное название "дружинной" (Б.А.Рыбаков и др.).

2. Принципиальное противопоставление дружинной культуры племенной, характеризующейся устойчивостью традиций, сопровождалось заимствованием и адаптацией иноэтнических элементов в условиях интенсивных межэтнических контактов. Включение Руси и Скандинавии уже на рубеже VIII-IX вв. в систему восточной (а затем и византийской) торговли, связанное с реализацией на международных рынках избыточного продукта, получаемого в виде дани (прежде всего – мехов), создало предпосылки для расширения и углубления внешних контактов. Показательно восприятие русскими князьями уже в IX в. хазарского титула "хакан" (сохранявшегося наряду с титулом "великий князь" вплоть до XI в.) как знак включения правителя Руси в международную политическую систему.

3. Важное значение для формирования дружинной культуры как на Руси, так и в Скандинавии имели связи обоих регионов (наряду с другими контактами). Они осуществлялись по преимуществу на территории Руси выходцами из Скандинавских стран. К явлениям, связанным со становлением дружинной культуры, относится происхождение названия "русь". Восходящее к скандинавскому обозначению участников походов на гребных судах (типа *гöfstaðr*, *röpskarl*), в славянской среде оно изначально было воспринято как наименование княжеской дружины скандинавского происхождения. По мере интеграции носителей этого наименования в восточнославянское общество, укрепления власти русского князя, будучи этнически нейтральным, оно было перенесено на разноплеменные территории и их население.

4. Наиболее интенсивные взаимодействия Руси и Скандинавии отмечаются именно в сфере дружинной культуры в X в. Так, на Руси при посредстве скандинавов распространялось оружие западноевропейских и скандинавских образцов (меч, щит, ланцетовидные колья и стрелы), в Скандинавии – через Русь – восточноевропейское вооружение, конская упряжь, дружинная "moda": наборные пояса, кафтаны и пр. Отличительными элементами дружинной культуры становятся в обоих регионах предметы, заимствованные у кочевников евразийских степей, а также предметы роскоши с Востока и из Византии.

5. Взаимообмен в сфере администрации, торговли, дружинного быта отмечается рядом лексических заимствований (помимо ономасти-

кона) из древнерусского в древнескандинавские языки: безмен, седло, шелк, торг и др., и наоборот: гридь, тиун, ябетник и др.

6. Идеологическому обоснованию культуры раннефеодальных верхов способствовало формирование дружинного эпоса, эстетические, этические и мировоззренческие установки которого служили коноолидации правящего слоя. При всем различии истоков и поэтических систем дружинного эпоса на Руси и в Скандинавии, их типологическое сходство приводило к взаимообмену сюжетами, возникновению общей сюжетики и т.д.

7. Противопоставление дружинной культуры племенной в идеологической сфере выражалось также в постепенном распространении христианства именно в дружинной среде на Руси (из Византии) и в Скандинавии (из Западной Европы, Византии, Руси).

8. Таким образом, сложение раннефеодального правящего слоя сопровождается образованием специфической надплеменной "дружинной" культуры, синтезирующей разноэтнические элементы на разных уровнях (от материальных предметов быта до религии) и противопоставленной моноэтнической племенной культуре.

А.В.НАЗАРЕНКО

РУССКО-НЕМЕЦКИЕ КОНТАКТЫ НАЧАЛЬНОГО ПЕРИОДА
ДРЕВНЕРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ (IX-X ВВ.)
И ИХ МЕСТО В КРУГУ МЕЖДУНАРОДНЫХ СВЯЗЕЙ РУСИ

I. В последнее время в науке много внимания уделяется изучению исторических явлений в кругу их системных связей; изучаются процессы этно-культурных синтезов, разрабатываются сравнительно-исторические типологии. В особенности это относится к периодам этно- и государствообразования. И в отечественной, и в мировой историографии по Древней Руси в течение двух с половиной веков сложилась устойчивая традиция, в рамках которой на переднем плане оказываются два направления экономических, политических, культурных связей формирующегося Древнерусского государства: направление северное, т.е. связи конца VIII-X и отчасти XI вв. в составе так называемого "циркумбалтийского культурного ареала", и южное направление - связи IX-X вв. с византийской ойкуменой, прежде всего с самой Византией и Болгарией. Западное направление международ-

ных связей молодого Киевского государства оказывается в силу сканного в тени.

2. Такое положение дел не выглядит оправданным, если искать древнейших русско-немецких контактов не на Балтике, а привлечь южнонемецкие, в первую очередь баварские источники. Правда, данные о русско-южнонемецкой торговле, собранные на рубеже веков (В.Г.Васильевский, 1888, 1905), относились в целом к XI-XII вв. Тогда было известно только одно, хотя и очень знаменательное исключение: Раффельштеттенский таможенный устав (904/906 г.), в котором упомянуты русские купцы, приходящие вместе с чешскими в Баварскую восточную марку. Продолжающиеся до самого последнего времени попытки дисредитировать это свидетельство (J.Neumann, 1985) оказываются несостоятельными. Более того, указание на "русское присутствие" в Немецком Подунавье при князе Олеге несомненно связано с выявленными недавно следами топонимики, производной от имени русь, на территории Баварской восточной марки; древнейшие из них датируются серединой IX в. (Назаренко А.В., 1980, 1984). Таким образом, все древнейшие датируемые упоминания этнонима русь в источниках "латинской" Европы (кроме греческого Rhos Берлинских анналов) оказываются южнонемецкого происхождения: Баварский географ, грамота Людовика Немецкого Альтайху от 863 г., Раффельштеттенский устав. Значение этого обстоятельства представляется нам чрезвычайно большим. Топонимизация этнонимов, а также сама его форма d.=v.=n. Rūzāri c.=v.=n. Riue "русин" говорят о том, что слово русь было в баварских говорах не литературного происхождения, а частью живого языка, т.е. свидетельством русско-немецкого этнического контакта на территории Восточной Баварии. Это во-первых. Во-вторых, выясняется, что нормы Раффельштеттенского устава относительно русских купцов являются не нововведением, а, напротив, подытоживают целый период в русско-немецкой торговле, приходившийся на IX в. и закончившийся с появлением в Паннонии венгров. Впрочем, то же самое прямо сказано и в самом источнике, который кодифицирует мытные порядки на востоке Баварии "как они соблюдались во времена Людовика (840-876. - А.Н.) и Карломанна (876-880. - А.Н.), а также прочих королей".

3. Резкую интенсификацию торговых связей именно южнонемецких земель со славянским востоком следует связывать с известными мерами Франкского государства после ликвидации в самом конце VIII в.

Аварского каганата: строительством канала Майн-Дунай, изданием Диденхойфенского капитулярия 805 г., началом собственного монетного чекана в Регенсбурге в 20-е гг. IX в., первым упоминанием в 837 г. "государственной дороги" (*strata publica*), ведшей на восток вдоль южного берега Дуная (именно она фигурирует позже и в Раффельштеттенском уставе) и т.п. Эта интенсификация по времени совпадает с периодом активных государствообразовательных процессов в области Среднего Поднепровья. Думаем, что не без влияния на эти процессы были не только этнические и торговые миграции IX в. вдоль знаменитого Пути из варяг в греки, но и таковые вдоль торгового пути, связывавшего Среднее Поднепровье со среднедунайскими землями (вероятно, именно этот путь описан Ибн Хордадбехом в 40-х гг. IX в.). Очевидным свидетельством такого влияния является вытянутость как в меридиональном, так и в широтном направлении территорий, подчиненных Киеву на рубеже IX-X вв. (древляне, долиняне, м.б., чуть позже, сандомирские лендзяне), равно как и "широкая" конфигурация Древнечешского государства (особенно после захвата им Краковской земли). Не учитывая древности русско-южнонемецкого соприкосновения, было бы нелегко понять удивительно стабильный политический контакт между Киевской Русью и Германией в середине X - начале XI вв.

4. Отметим особо ту роль, какую в реконструкции русско-южнонемецких связей древнейшей поры (а они, очевидно, предполагают и аналогичные связи Руси IX-X вв. с чехо-мораво-паннонским регионом) играет лингвистика: как топономастика, так и историческая лексикография. Приведем только три примера. Характерная изолекса др.рус. годоваль, чеш. hadváb (ср. д.-в.-н. gotowebi гот. *gud(a) wabi- "драгоценная ткань") объединяет др.русский и др.чешский, исключая южнославянские (Schramm G., 1984). Специфический др. русский этноним хорутане (словенцы) в ПВЛ объясним только из д.-в.-н. Charanta "карантиец". Знаменательно и др.русское платити, имеющее др.чешскую огласовку (платки как средство платежа в Праге по Ибн Якубу); это слово можно квалифицировать как изустное заимствование из чехо-моравских говоров (Львов А.С., 1975).

**ПРЕДПОСЫЛКИ И УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ
СВЯЗЕЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ СО СЛАВЯНСКИМИ СТРАНАМИ**

Скупые свидетельства письменных источников, более массовые археологические и нумизматические материалы позволяют в общих чертах воссоздать историю торгово-экономических контактов древнерусского государства с западнославянскими и южнославянскими землями в IX-XIII вв. (исследования Ст.Александровича, А.В.Флоровского, В.Хаджиниколова и других ученых). Характер и значение этих взаимных связей трудно понять без тщательного рассмотрения предпосылок и условий их возникновения и дальнейшего развития.

Прежде всего остановимся на предпосылках и условиях, благоприятствовавших торгово-экономическому обмену между Древней Русью и зарубежными славянскими странами в IX-XIII вв. Самое важное значение, на наш взгляд, имели предпосылки естественно-географического и экономического характера. В первую очередь отметим территориальное соседство западных, восточных и южных славян, земли которых соединялись судоходными реками, морями и сухопутными дорогами. Через территорию Руси и славянских стран проходили важнейшие международные торговые коммуникации, по которым осуществлялся обмен Запада с Востоком, Северной Европы со странами Средиземноморья (путь "из Варяг в Греки") Балтийско-Волжская магистраль, дорога Киев-Краков-Прага-Регенсбург). Их оживленное функционирование способствовало подключению в IX в. к международной транзитной торговле населения Руси и других славянских стран. Взаимное ознакомление с экономическими возможностями в процессе транзитных поездок купцов привело в X в. к зарождению на постоянной основе прямых торговых контактов Руси с Болгарией, Польшей, Чехией и Моравией, землями полабских и поморских славян. В условиях соседства, наличия с некоторыми странами общих границ, удобных водных и сухопутных дорог осуществление торгово-экономических связей древнерусского государства с западнославянскими и южнославянскими землями требовало меньших путевых издержек и дополнительных затрат, нежели при дальней торговле.

Далее следует отметить наличие экономической заинтересованности в прямом обмене как со стороны Руси, так и других славянских

стран. Вследствие отсутствия в пределах Руси месторождений серебра, цветных металлов, в которых нуждались ювелиры, оружейники и другие ремесленники, удобнее всего было приобретать их из-за значительного веса на ближних рынках, в том числе в соседних славянских странах – Польше и Чехии, обладавших запасами этих полезных ископаемых. Собственное ремесленное производство не всегда могло полностью удовлетворить внутренний спрос на те или иные изделия, так как этапы становления различных видов ремесла на Руси и в других славянских странах иногда не совпадали. В Болгарии уже в X в. было наложено изготовление высокохудожественных керамических изделий; великоморавские ювелиры уже в IX ст. начали широко применять зернь и скань, лишь в следующем столетии освоенные не без их помощи древнерусскими и польскими мастерами. Русь первоначально опережала соседнюю Польшу в области стеклоделия и производства поливной керамики; древнерусские ремесленники изготавливали отличные дверные замки, пользовавшиеся большим спросом на международных рынках. Все это вызывало необходимость в обмене ремесленной продукцией и технологией между Русью и другими славянскими странами. Они отличались отчасти и по степени обеспеченности некоторыми другими природными богатствами (пушниной, янтарем, солью, фруктами), что также стимулировало взаимный обмен. Экономика Руси и других славянских стран остро нуждалась в привозном монетном серебре, поступавшем по их территориям вначале с Востока, а затем из Западной Европы и в меньшей степени из Византии. Наряду с монетным обращением западные, восточные и южные славяне использовали в IX–XIII вв. и натуральный обмен и своеобразные товары-деньги. Все эти формы могли применяться в их взаимной торговле.

Тесные политические отношения (в том числе военные союзы, брачные связи правящих династий) Руси с Польшей и отчасти с Чехией и Моравией, по-видимому, обеспечивали покровительство купцам со стороны центральной власти славянских стран. Культурные связи восточных славян (например, в области архитектуры) с западными и южными славянами также способствовал их взаимовлиянию в сфере строительной техники. Наконец, обмен производственным опытом и ремесленной технологией происходил и в процессе нередких миграций населения особенно на пограничье. Торгово-экономические контакты облегчались языковой близостью славян.

Перейдем теперь к анализу неблагоприятных факторов. Опреде-

ленная однотипность хозяйства и близость материальной культуры в какой-то мере ограничивали возможность развития прямых экономических связей Древней Руси со славянскими странами (для примера сошлемся на наличие у них одинаковых статей экспорта: воска, меда, льна и др.). Случавшиеся между ними политические конфликты и военные столкновения, несомненно, наносили ущерб взаимной торговле. Ее размах, очевидно, ограничивался и вследствие своеокорыстной политики феодальных правителей и городских властей в эпоху раздробленности, когда значительно увеличилось число таможен и размеры торговых пошлин. Имели место и разбойные нападения местных феодалов на купеческие караваны. Нельзя не учитывать и фактор внешней опасности со стороны печенегов и половцев в Южной Руси, ятвягов – на польско-русском пограничье, скандинавов – на Балтике. Иногда не совпадали и этапы политического развития Руси и какой-либо из славянских стран, например, Болгарии. Часть южнославянских земель (Далмация, Словения, Хорватия) располагались вдали от границ Руси и от проходивших через ее территорию международных торговых коммуникаций. Тем не менее значение отрицательных моментов не следует преувеличивать, так как они уступали намного совокупности благоприятных факторов, хотя и оказали влияние на объем и направления экономических контактов Древней Руси со славянскими странами.

KIRÁLY И OLASZ: К ИСТОРИИ РАННИХ СЛАВЯНО-
ТЮРКО-ВЕНГЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Венгерские слова király "король" и olasz "итальянец" (ст.-венг. также "француз") с уверенностью квалифицируются как славянские заимствования, восходящие к позднепреставянским формам южнославянского диалектного типа *kral'ь (из *korl'ь) и *vlasi (мн.ч. от *vlaxъ из *volхъ). С учетом культурно-исторических (для király) и географических (для olasz) соображений их непосредственными источниками являются, по мнению ряда исследователей, соответствующие древнекорватские и древнесловенские формы. Оба слова несомненно должны были проникнуть в венгерский язык если не до переселения венгров в Карпатский бассейн, то в самые первые годы их пребывания на новой этнической территории: с одной стороны, знакомство с Италией и с институтом королевской власти должно было состояться никак не позднее 899 г., когда венги вторглись в Ломбарию и нанесли поражение войску итальянского короля Беренгара I (Berengarius rex), с другой стороны, ничто не дает оснований предполагать наличие у слов király и olasz лексических конкурентов в старовенгерском языке (в письменных памятниках они фиксируются начиная с XI-XII вв.).

Оба рассматриваемых слова при сравнении с другими ранними славянскими заимствованиями венгерского языка (происходящими большей частью из субстратных славянских диалектов Паннонии и других областей исторической Венгрии) обнаруживают фонетические аномалии.

Уникальная фонетическая особенность слова király - это качество гласного, использованного для разбики недопустимого по нормам старовенгерской фонотактики начального сочетания согласных. В более чем 250 примерах такой разбики, рассмотренных в специальном исследовании Б.Кеслер на материале славянских и других иноязычных заимствований (апеллятивов и топонимов) старовенгерского языка, универсально действует правило, согласно которому консонантное сочетание разбивается кратким гласным, который тождествен гласному следующего слова (если тот краткий) или качественно близок гласному следующего слова (если тот долгий). Ср. karáscony "рождество" (слав. *kraćunъ, kalász "колос" (слав. *klasъ

kérong "диск" (слав. *krog) kéreszt "крест" (слав. *kr̥stъ),
kilincs "ручка" (ст.-франц. clinche), ст.-венг. и диал.
garáblya "грабли" (слав. *grabl'а), giliszta "червь" (слав.
*glista) и т.д. (Keszler B. A szókörök mássalhandzó-túrlódások fel-
oldása korai jövevényszavainkban. Brat. 1969, 16–38).

Необъясненным (несмотря на ряд делавшихся попыток – Ibid. 40) от-
клонением является только király (ст.-венг. и диал. также kéraly)
с узким вставным гласным, вместо ожидаемого *karály (известный в
одной записи ок. 1240 г. топоним Karalka – вероятно, Karálka
из слав. *Kral'ka – лишь подтверждает аномальность этого рефлекс-
са).

В слове olasz проблему порождает краткость гласного второго
слога: нормой субSTITУЦИИ для ранних славянских заимствований вен-
герского языка является передача слов. a (исконо долгого) долгим
a (случаи с кратким a на месте слов. a характерны для сравнительно
более позднего слоя заимствований и отражают преимущественно со-
кращение долгот в многосложных словах). Ср. особенно нормальную
субSTITУЦИЮ в практически тождественном по происхождению венг.
oláh "румын" из слав. *vlaхъ. Правда, венг. a регулярно переда-
ет слав. o, но предполагать заимствование из форм с рефлексом лу-
жичко-лембитского типа Tolt > Tlot (как в польск. Włochy)
вряд ли реалистично.

Обе трудные фонетические проблемы позволяет решить гипотеза
о заимствовании király и olasz не прямо из славянского, а из тюрк-
ских форм славянского пр. происхождения *qýral и *Ulasy (с ударением
в обоих случаях на последнем слоге). С учетом общетюркских законо-
мерностей фонетики и фонотактики облик этих предполагаемых форм-
посредников как результатов регулярного преобразования слав.

*kral'ь и *vlaхъ не должен вызвать сомнений. Подчеркнем лишь,
что в отличие от венгерского языка тюркские склонны использовать
для разбивки начального сочетания согласных не аналог следующего
гласного, а соответствующий ему по ряду узкий гласный (ср. тур.
tygaruza "вид стола" из греч. τράπεζα кар.-балк. çugrای "край",
тат. kiгän "хрен" и т.д.; см. Рясиен М. Материалы по историчес-
кой фонетике тюркских языков. М., 1955, 48; Сравнительно-истори-
ческая грамматика тюркских языков: Фонетика. М., 1984, 77).

С другой стороны, столь же регулярным в фонетическом отноше-
нии выглядит отражение предполагаемых тюрк. *qýral и *ulasъ

в виде венг. király(~kőrāly) и olasz Специального комментария заслуживает только рефлексия тюрк. а: в тюркских заимствований, хронологически близких к рубежу IX-X вв., венгерский язык имеет долгий а на месте тюрк. а в ударном последнем слоге перед сонантом (oroszlan "лев" из *aryslan) и (по крайней мере в единственном полностью однотипном с *ulasy случае) краткий а на месте тюрк. а в безударном первоначально срединном слоге (Gyarmat название рода из *jormaty) (см. Ligeti L. A magyar nyelv török kapcsolatai a honfoglalás előtt és az Árpád-korban. Brst. 1986, 199, 85)

Прочие фонетические эффекты (у > i-/-ø, u > o) связаны с собственно венгерским историко-фонетическим развитием (продуктом его может в принципе быть и палатализация -l -ly , если только согласный l не звучал смягченно и в тюрк. *sugral).

Изложенная гипотеза без затруднений интерпретируется в свете прочих данных об этноязыковой и этносоциальной структуре Венгрии эпохи Переселения. Тюркский (хазарский) язык даже в середине X в., не говоря уже о более раннем периоде, был хорошо известен или даже преобладал над венгерским в доме Арпадов и среди военной знати, о чем свидетельствует обилие личных имен и титулов тюркского происхождения. Кабары и, возможно, другие тюркоязычные группы составляли заметную часть венгерского войска. Л.Лигети в этой связи справедливо полагает, что часть "булгарско-турецких" заимствований венгерского языка следует относить уже ко времени после переселения в Карпатский бассейн, хотя и признает невозможным отличить их от более ранних заимствований эпохи соседства с Хазарским каганатом или от возможных заимствований из языка протоболгар (Op. cit. 484-487, 531-534). Это позволяет думать, что в то время как подавляющее большинство славянских слов проникло в венгерский язык непосредственно из языка местных славян - представителей социальных низов и в то же время носителей активно усваивавшейся венграми оседлой культуры, некоторая часть славянских слов первоначально проникла в язык тюркских этносоциальных групп и лишь затем, в условиях массового венгерско-турецкого двуязычия, была усвоена венгерским языком. Для слов király и olasz связанных в первую очередь с военно-политической деятельностью тюркоязычной элиты, этот второй путь был вполне естественным.

ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ И ОСОБОЕ ПРАВО СЛАВЯН В ГЕРМАНСКОЙ
ИМПЕРИИ (ДО НАЧАЛА ХУ В.)

1. Как и некоторые другие этнические меньшинства в средневековых государствах, славянское население земель, включенных в VIII-XII вв. в состав Франкской, затем Германской державы, не оставило о себе письменных свидетельств, которые прямо отражали бы самосознание тех или иных слоев народа. В подобных случаях мы вправе судить лишь об объективных фактах и немногих косвенных проявлениях его этнического самосознания (в этнической терминологии иноязычных памятников, в антропонимии представителей этноса и т.п.). Под факторами самосознания мы понимаем те социальные, правовые и культурные факторы, которые были этнически значимы, могли так или иначе воздействовать на эволюцию этнического самосознания меньшинств: ослаблять его, способствуя ассимиляции, или, напротив, поддерживать и даже усиливать, заставляя меньшинства помнить о том, что отличало их от окружающих их этнических групп. В средневековой жизни и мышлении, для которого "на праве страны строится", среди факторов самосознания одним из решающих была юридическая специфика того или иного народа – его особое право.

2. Пытаясь реконструировать по латинским и немецким памятникам этническую психологию альпийских и полабских славян, оказавшихся одним из меньшинств в империи, разделенным к тому же границами многих княжеств и феодальных владений, мы обращаемся прежде всего к изучению этнически значимых аспектов правового положения этих славян. При этом будем иметь в виду, что многие из этих конкретных аспектов проявлялись лишь в пределах одного княжества, города или городской округи и не были характерны для жителей других мест.

3. В течение нескольких столетий после подчинения власти немецких королей и князей славянское население сохраняло многие элементы своей юридической традиции. В эпоху господства personalized права принадлежность человека к тому или иному "племенному закону" была определяющей при установлении его этнической принадлежности. В X в. в междуречье Эльбы и Заале из-

вестны несвободные люди "славянского обычая" (*Sclavonicae ritu familiæ*). Однако жизнь их во все большей мере регулировалась новым, феодально-вотчинным правом, стиравшим социальные и юридические различия между этническими группами зависимого крестьянства.

4. В жизни лично свободного населения славянские правовые обычаи играли, разумеется, большую роль и дольше сохранялись как фактор этнического самосознания. Так, на левобережье Заале, в северо-восточной Баварии, славян до середины XI в. относили к народам, "которые не пользуются ни пактом, ни законом Салическим". Они продолжали жить по известным еще с каролингских времен "законам и обычаям славянского племени". В каринтийских грамотах 1002-1018 гг. в списках свидетелей выделены "*Sclauenice institutionis testes*" и "*testes Sclauigenę*" – свободные люди, публично и формально заявившие о своей принадлежности к "славянскому закону". Для жителей средневековой Германской империи подобное *professione iuris* было ключевым моментом осознания ими своей этнической идентичности. Хотя здесь, как показывают "Рансхофенские конституции" конца X в., многие элементы баварской юридической традиции считались уже в то время обязательными и для славянского населения ("славяне также пусть подчиняются...или будут изгнаны"), нормы "*institutio Sclauenica*" продолжали, очевидно, играть важную роль в правовом регулировании жизни местных славян: так, в Горице славянские правовые обычаи сохранялись, возможно, еще в XIV в. Лишь завершение здесь феодализации, резкое сокращение свободного славянского населения, массовый приток немецких колонистов подорвали позиции "славянского закона", существовавшего только в устной традиции.

5. Но и в феодальных вотчинах оставались в силе некоторые этнически значимые нормы персонального права. В системе юридических символов в иллюстрированных рукописях "Саксонского зерцала" даже своеобразная одежда славян, отличавшая их от саксов, франков и евреев, выступает как воплощение не только этнокультурной, но и правовой специфики. В Ср.Полабье в "Зерцале" и иных памятниках мы находим правовые нормы, относившиеся только к славянам, – элементы славянской юридической традиции, сохранившиеся на локальном уровне в общей системе саксонского земского права. Такова норма, регулировавшая семейные отношения зависимого населения: выходя замуж, славянка платила господину венечный сбор, а если

муж умирал или оставлял ее – "таково славянское право" (*also wendisch recht is*), – вносила вотчиннику разводную пошлину. Другие элементы особого права славян были продуктом более позднего развития, определяя социальную и юридическую принадлежность детей от смешанных браков. Если немецкая женщина передавала свой статус детям, независимо от того, кто был их отцом, то славянка могла сделать это лишь в том случае, если отцом детей был немец. Если же мужем ее был славянин (*of he en Wend is*), дети наследовали статус от отца. Это установление, являющееся более поздней (ок. 1270 г.) вставкой в "Саксонское зерцало", но возводимое там ко второй половине XII в., безусловно, задевало этнические чувства славянского населения, обостряя его коллективное самосознание и ограничивая тем самым ассимиляционный эффект смешанных браков в деревне.

6. "Славянское право" было представлено также в судебной сфере, хотя данные об этом есть лишь для Полабья. Так, в районе Эрфорта в Тюрингии существовали особые нормы, определявшие санкции за различные преступления и касавшиеся только славян (*legitima iura Slavorum*). Собственная юридическая традиция сохранилась у славян и в более полном объеме: из этого исходит "Зерцало", предписывающая, что судить "славянина" или "сакса" и свидетельствовать по его делу должны лишь его сограждане – если только он не был схвачен на месте преступления. В остальных случаях состав судебных заседателей и свидетелей определялся в соответствии с этнической принадлежностью ответчика. Понятно, что эта ситуация требовала от местного населения ясного сознания своей принадлежности к той или иной этнической группе.

7. Правовая специфика славянского меньшинства отразилась в XI–XIV вв. в ряде районов Полабья в развитии особых "славянских" судебно-административных институтов. В Анхальте наряду с общеzemским судом упоминается под 1229 г. *"placitum Slavorum"*. На некоторых сорбских землях в округах, иногда прямо называемых *"Wendische Pflege"*, *"Wendischer Zirkel"*, *"Wendische Seite"*, заседали земские суды с участием славянских шеффенов – деревенских старост (ср. также *"magistratum civium"* в славянских деревнях ганноверского Вендланда). Эти представители вотчинной администрации сами осуществляли низшую юрисдикцию в своих деревнях, выступая как преимущественные носители славянской устной юридичес-

кой традиции. Такая судебно-административная система, основанная на этническом принципе, сама по себе заставляла местных жителей по-прежнему сознавать себя славянами.

8. Не менее важным фактором было использование в суде "славянского языка". Ясное сознание этноязыковой принадлежности было непременным условием применения нормы саксонского земского права "Каждый, кого обвиняют, может отказаться отвечать, если его обвиняют не на его родном языке". Еще большее этнопсихологическое значение имело дальнейшее развитие этой нормы в более поздней редакции "Зерцала": отныне ответчик мог претендовать на то, чтобы ему предъявили иск на его родном языке лишь в том случае, если давал клятву, что не знает немецкого, и если никто не мог доказать, что он уже пользовался некогда немецким языком в суде. Наконец, отвечать на иск полагалось теперь – самому или через посредника – "так, чтобы жалобщик и судья это понимали". Эти ограничения, несомненно, указывали славянам на их неравноправие по отношению к немцам, но на практике использование "славянского языка" в немецком суде часто оказывалось для местного населения еще более невыгодным: взаимное непонимание приводило к тому, что славяне проигрывали тяжбы и даже покидали родные места. Именно поэтому, исходя из своих экономических интересов, феодальные власти Анхальта запретили в 1293 г. использование "славянского языка" в судах княжества. При этом была сделана оговорка: во всем прочем "люди славянского языка" останутся во всем своем праве, как они были издревле".

9. Мы не рассматриваем здесь уникальное особое право свободных крестьян – косозов в Каринтии (до начала ХУ в.) осуществлять "на славянском языке", с пением "славянских гимнов", обряд интронизации местного герцога. При этом, по словам хрониста, "народ радовался, видя, что правила его страны соблюдены". Источником этого особого права считалась сама традиция существовавшего там прежде славянского княжества Каантания, "обычай страны". По тому же обычью, по крайней мере до XII в. крестьянин, руководивший церемонией, – "судья страны" был наделен правами апелляционной инстанции для местного свободного славянского населения. Как гласит вставной фрагмент "Швабского зерцала", только славянин (*ain windischer man*) мог, "если пожелает", обращаться с претензиями к герцогу перед "судьей страны" и притом на своем родном

языке (*mit windischer zungen*). Впрочем, в судебно-правовом ритуале Каринтии "славянский язык" становился предметом своеобразной "игры". Герцог был юридически правомочен отклонить жалобу перед "судьей страны", возразив истцу-славянину ритуальной фразой: "Я не знаю, добрый друг, что ты хочешь сказать, я не понимаю твоего языка". Как бы то ни было, эти особенности правового положения славян в Каринтии, безусловно, осознавались ими как нечто, отличающее их как славян от других этнических групп.

IO. Юридическая специфика славян в империи проявлялась и в том, что до середины XI в. в диоцезе Зальцбургского архиепископства, еще в XII в. у сорбов на церковных землях, а в XIII в. и в Северном Полабье только славяне вместо канонической "полной десятине" платили епископам специальную подать меньшего и точно установленного размера, не зависевшего от величины урожая. Попадать эта называлась на юге "десятиной по славянскому обычью", а на севере - "славянским сбором" и позволяла славянскому населению в разных областях империи сознавать свой особый статус среди жителей Германии.

II. Постепенное утверждение принципа территории права снимало до некоторой степени "напряжение" этнических чувств славянского меньшинства, но отнюдь не устранило в этот период юридической специфики славян. В Полабье в районах немецкой колонизации акты XII-XIV вв. выделяют многочисленные "славянские деревни", где сохранялись, как правило, традиционные для славян формы поселений, землепользования, повинностей. Еще в 1315 г. в Мекленбурге двум деревням было подтверждено их "славянское право (*ius Slavicale*), каким издревле пользовались славяне". В ганноверском Вендланде о наследственных держаниях "по славянскому праву" говорится еще в 1354 г. Более того, при переселении славян феодальными властями на новое место иногда образовывались "новые славянские деревни", также сохранявшие особый правовой статус. Лишь структурная перестройка деревень и связанное с этим расширение с XIII в. сферы "немецкого права" во многом подорвали этнически обусловленную юридическую обособленность славянского населения. Но и после этого оно не утрачивало своей этнической идентичности: славянских держателей на "немецком праве" по-прежнему именуют в грамотах "*Slaui*". Решающим здесь был, по-видимому, критерий языковой.

I2. Особенности правового положения славян в городе также влияли на их этническое самосознание. В городах восточноальпийского региона единственным известным нам фактором этнического размежевания были т.н. "славянские улицы". В городах Полабья эпохи немецкой колонизации таких факторов было больше. Уже в 1220/1226 г., ограждая себя от экономической конкуренции славянской деревни, город Любек обязал приезжих славян платить пошлину на товары и к тому же подушный сбор. В ряде городов славянское население (кроме, разумеется, полноправных бургевров) подлежало до начала XI в. особой юрисдикции. Во Фридланде славяне имели свою судебную инстанцию (*iudicium Slavorum*), подчиненную фогту маркграфа Бранденбургского. В Ростоке была должность "славянского фогта" (*adiocatus Slavorum*), наделенного, по всей видимости, судебными полномочиями. В других местах жители города и его окрестностей – славяне и немцы подлежали обычному городскому суду, сохраняя, однако, языковую и отчасти правовую специфику. Так, в постановлении 1261 г. в составе магдебургского городского права говорится о предъявленном в суде иске "по славянскому обычью" и на "родном языке" славян. В то же время эта норма отражает определенную стадию ассимиляционного процесса: речь идет о тяжущихся, которые "оба славянского происхождения и, однако, не славяне" (*beide von windischer art sin here komen, unde doch nine winede sin*). В этой переходной этнопсихологической ситуации процессуальное право скорее способствовало ассимиляции: обвиняемый мог не отвечать на иск, предъявленный ему "по славянскому обычью".

I3. На протяжении нескольких столетий правовые факторы поддерживали в славянском населении империи сознание его этнической принадлежности. К исходу XI в. некоторые из этих факторов уже перестали действовать (элементы особого права славян, "славянская десятина", особая юрисдикция для славян в городах). Приток западных колонистов, вовлечение славянских деревень в единую феодальную социально-экономическую структуру, завершение христианизации, все большее значение немецкого языка во всех сферах жизни, рост числа смешанных браков сделали ассимиляционные тенденции для большинства полабских и немалой части альпийских славян необратимыми. Возникшие же к концу XI в. новые факторы этнического размежевания ("славянский параграф" в цеховых уставах и т.п.) уже скорее ускоряли, чем замедляли этот процесс.

СЛОВАЦКО-ВЕНГЕРСКИЕ ОБЩЕСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЕ
ВЗАИМОВЛИЯНИЯ (СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ В СЛОВАЦ-
КОЙ НАУКЕ)

1. Современная словацкая наука пришла к переоценке некоторых основных положений предшествующей словацкой историографии (вопрос о венгерском завоевании, о падении Великой Моравии, о континуитете населения и социальных форм его организации и др.).

2. В дискуссии с венгерскими учеными словацкие исследователи (М.Кучера, А.Рутткаи, Ю.Солко и др.) подчеркивают неоспоримость вклада словаков в формирование материально-хозяйственных основ Венгерского государства (земледелие), его социальной и административной структуры (т.н. "градная" и "служебная" организации), его культуры (героический эпос).

3. Новый аспект старой проблемы: возникновение теории "завоевания" предков словаков венграми основано на исторической традиции самих словаков (сказания о Светоплыке).

4. Классовый аспект венгерско-словакских отношений: эксплуатация крестьян-словаков как катализатор процесса феодализации венгерского общества.

5. Социальные аспекты взаимосближения и взаимоотталкивания словацкого и венгерского этносов и культур;

5.1. Сохранение крестьянством различных этносов своего обычного права при одновременном процессе создания единой материальной культуры сельского населения.

5.2. Наличие до XIII в. словацкой шляхты и опора на нее королевской власти в борьбе с вождями венгерских родов в процессе укрепления венгерской государственности.

5.3. Вертикальная социальная мобильность индивида вне зависимости от его этнического происхождения при отсутствии требования мадьяризации.

5.4. Формирование в среде венгерского дворянства пейоративного отношения к словам.

6. Процесс взаимообогащения современной словацкой и венгерской историографии на основе взаимных научных контактов ведет к переходу от конфронтации к взаимопониманию на основе строго научной методики исследований.

СЛАВЯНСКИЙ ИНТЕРДИАЛЕКТ В ВЕНГРИИ АРПАДОВ?

I. Вряд ли можно предполагать, что славянское население, которое венгры застали на рубеже IX-X вв. в Карпатском бассейне, было полностью однородным в диалектном отношении. Позднепреставянский континуум в этом регионе мог сохранять исходные различия, сопоставимые с двумя волнами славянской колонизации Подунавья и Балкан, и включал различия между начавшимися формироваться новыми диалектными зонами. В этом отношении показательно, что некоторые проходящие через славянский континуум лексические и лексико-фонетические изоглоссы находят непосредственное продолжение в изоглоссах, отражающих распространение соответствующих славянских заимствований на венгерской языковой территории, ср., например, соотношение слов. *јагъть/*յъго и венг. јágot/iga, слав. *ольха/*ельха/(*ъльха) и венг. топонимов типа osva/Jósva,Jolsva/Ilosva.

(Факты такого рода служат, кроме того, важными свидетельствами в пользу субстратного происхождения большинства ранних славянских заимствований в венгерском языке и против адстратных объяснений, используемых рядом венгерских исследователей).

2. С другой стороны, наблюдается практически полная однородность всего корпуса ранних славянских заимствований в венгерском языке с точки зрения фонетического состояния их славянских источников (как и с точки зрения механизмов фонетической адаптации). Главные фонетические признаки (в частности, сохранение квантитативной оппозиции гласных, сохранение различий между ъ и ь в сильной позиции и в первом слоге, постепенное развитие о в и е ё, группы ъl'<ъj и ll<d1 и др.) славянских слов-источников и правила субSTITУЦИИ оказываются совпадающими для венгерских слов, которые по другим, нефонетическим критериям можно было бы квалифицировать как паннонимы, словакизмы, трансильванизмы. Даже тот фонетический признак, по которому традиционно противопоставляются заимствования "болгарского" типа (с венг. st, zsd на месте слав. *tj, *dj:mostoha "мачеха", gorzda "ржавчина") и "хорватско-словенского" типа (с венг. ty,gy:kitya "хижина", szégye "закол для ловли рыбы"), может быть объяснен из однородной в фонетическом отношении системы с рефлексами типа *t, *d.

3. Славянская языковая система с тем комплексом фонетических

(а отчасти и лексико-семантических) признаков, который вычленяется на основе корпуса ранних славянских заимствований венгерского языка, скорее всего могла быть соотнесена с Паннонией (Задунавьем) – областью с наиболее густым на конец IX в. славянским населением и зоной наиболее активного славяно-венгерского языкового контактирования в эпоху Арпадов (X–XIII вв.).

4. В исследованиях венгерских топонимистов, особенно И.Кнейжи, неоднократно отмечалось то парадоксальное обстоятельство, что в топонимии окраинных районов исторической Венгрии часто отсутствуют фонетические признаки славянских языков соответствующих районов и наличествуют чуждые им признаки. Это особенно характерно для топонимов, засвидетельствованных письменными памятниками эпохи Арпадов (тогда как современные венгерские формы соответствующих названий отражают нередко вторичное влияние местных славянских диалектов). В то же время ничто не препятствует выведению "парадоксальных" форм из славянской языковой системы паннонского типа.

Ср. в Словакии: Zemplén (ок. I200 Zemlin; слвц. Zemplín Требишовский окр.) из слав. *Zeml'inъ (или *Zeml'any); I232 Riblyen из слав. *Rybl'any (совр. венг. Ribény и слвц. Rybany, Топольчанский окр. отражают слав. *Ryb'any); I276 Hleulan из слав. *Klēvl'any (совр. венг. Helvén и слвц. Chlievany, Топольчанский окр. отражают слав. *Khē-v'any); во всех этих случаях находим нехарактерное для словацкого языка сохранение l ḥepentheticum (Kniezsa I. Zur Geschichte der Jugoslavismen im Mittelslowakischen.-Etudes slaves et roumaines 1, Bpst.1948,143). В Закарпатье венгерское название н.п. Береги (бывший центр комитата) – Bereg отражает восточнославянскую форму, однако памятники фиксируют I233 Bereyg, I323 и I327 Bereegh, т.е. Berég, что может восходить только к слав. *Brégy (или *Brégy), ср. также слвц. Brehy (аналогичное отсутствие полногласия и в венгерском названии н.п. Грабаров – Halábor из I300 Narabar, если только этот топоним восходит к *Xrabrъ < "Хорбръ", а не к *Grabrъ). В южной части Трансильвании имеются Geszträgy (I359 Gestrag; рум. Gastrade, ныне Straja) из слав. *Gostiradъj, с явно не болгарским рефлексом *dj; Kis Mutnok (1371 Muthnuk; рум. Mutnicul Mic) из слав. *Mot'nikъ, с также чуждым болгарскому языку рефлексом *q (Kniezsa I. Keletmagyarország helynevei.-Magyarok és románok,

1.кöt., BpJ943, II9, 227, 232). Cp. также характерный общий вывод: "Da Siebenbürgen vor der Landnahme dem bulgarischen Reich angehörte ja nach den ungarischen Chroniken von Bulgaren und Slawen bewohnt war, ist es wahrscheinlich, dass diese Slawen von bulgarischem Charakter waren. Hierfür können jedoch keinerlei sprachwissenschaftliche Beweise angeführt werden, da unter den Namen kein einziger von zweifellos bulgarischen Charakter zu finden ist" (Kniezsa I. Ungarns Völkerwesen im XI. Jahrhundert. - Archivum Europae Centri. В каждом отдельном случае параллаксы фонетики можно, конечно,

В каждом отдельном случае парадоксы фонетики можно, конечно, пытаться объяснить специальными причинами (специфика локальных говоров, инфильтрация инославянских групп), но в совокупности они скорее говорят о том, что в эпоху Арпадов славянские топонимы на всей территории Венгрии при заимствовании в венгерский язык оформлялись сообразно фонетическим нормам системы паннонского типа. Об этом же свидетельствуют и многочисленные случаи присутствия идентичных по своему облику топонимов славянского происхождения в диаметрально противоположных точках венгерской языковой территории (Besztérce < слав. *Bystrica в м. Баранья, Словакии и Трансильвании; Battyán < слав. *Botъjань в мм. Баранья, Ваш, Фейер и Трансильвании и т.д.).

6. Показательно также безраздельное господство в венгерской атропонимии и отантропонимической топонимии славянских имен на -шень (*не-mirъ!*): *Bagamér* (*Водошень*), *Budmér* и *Bodmér* (*Budimerь* и, возможно, *Budimérь*), *Ladomér* (*Ladimérь*), *Mutmér* (*Motimérь*,ср. *Const.Porph.Mouvtimēros*), *Tihamér* (*Tixomérь*), *Velemér* (*Veleшень*), *Zelemér* (*Zbleшень*). Частота же всех сходных склонен-

Zelemér (Зыломерь). Напротив, на всех соседних славянских территориях более архаичные имена на *-tērъ* уже начиная с древнейших памятников сильно потеснены образованиями на *-mīrъ*.

7. Совокупность изложенных фактов позволяет думать, что на всей территории Венгрии Арпадов наряду с местными славянскими говорами мог использоваться славянский интердиалект (койнэ), непосредственной диалектной базой которого являлась Паннония.

8. В условиях массового венгерско-славянского двуязычия (к XI в. "150-летний славяно-венгерский симбиоз привел к тому, что и владетельный господин, и воин, и слуга - все хотя бы немножко понимали славянскую речь", как пишет Д.Дьёрффи в *Magyarország története*, I/1, Brst. 1984, 731) носителями этого интердиалекта были не только и даже не столько славяне, сколько отли-

чавшиеся существенно большей мобильностью венгры. Это обеспечило интердиалекту почти монопольную позицию при заимствовании в венгерский язык славянских слов, в том числе и чисто локальных топонимов. Различия между славянскими диалектами на территории Венгрии были в данный период достаточно невелики, чтобы не препятствовать автоматическому "пересчету" с диалектных форм на интердиалект (например, Ryb'any → Rybl'any в Словакии).

9. Поскольку интердиалект несомненно мог использоваться в сношениях Венгрии и венгров с соседними славянскими государствами, то и заимствования из соседних славянских языков могли в течение какого-то времени проникать в венгерский язык в аналогичном "пересчете". Учет этого фактора позволяет разрешить отдельные противоречия между фонетическими и лингвогеографическими или культурно-историческими критериями при трактовке славянских заимствований в венгерском языке.

10. В гораздо более гипотетическом порядке можно допустить, что славянский интердиалект мог сложиться еще до прихода в Карпатский бассейн венгров (потребность в нем могла возникнуть еще в государстве аваров и особенно в процессе интенсивной языковой ассимиляции аваров славянами в VIII-IX вв.).

II. Реконструированный здесь интердиалект должен был прекратить свое существование с завершением перехода основной массы славянского населения в центральных районах Венгрии на венгерскую речь – вряд ли ранее XIII в. Заслуживает, однако, внимания вопрос о возможном его влиянии на формирование среднесловацкого диалекта, по многим признакам южнославянского, и в дальнейшем словацкого национального языка.

А.В.ГОРИЗОНТОВА

К ВОПРОСУ О СВЯЗЯХ ЗАПАДНОСЛАВЯНСКОГО И ВЕНГЕРСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА XI В.

Раннесредневековое право народов Европы, в том числе Чехии, Польши и Венгрии, основательно изучено. Многое сделано также с точки зрения сравнительного изучения венгерского и западноевропейского, прежде всего, германского права. Гораздо меньше исследован вопрос о сходстве и различии венгерского и западнославянского законодательства, о возможных связях между ними.

Несмотря на отсутствие чешских и польских юридических памятников эпохи раннего средневековья, подобных трем венгерским законникам XI в. (Иштвана I, Ласло I и Кальмана I), сопоставление некоторых данных, зачерпнутых из нарративных источников, с памятниками венгерского права, дает основание поставить проблему связей между законодательством трех стран.

Процесс утверждения христианства, протекавший в XI в. в Чехии, Польше и Венгрии при активной поддержке центральной власти, несмотря на всю свою противоречивость и сложность дает наиболее обильный материал для сопоставления венгерского законодательства и сведений о внутренней политике и законах Шемысловичей и Ястров.

В "Чешской хронике" Козьмы Пражского (III, I) есть эпизод, рассказывающий об изгнании Бржетиславом Младшим вещунов и прорицателей, уничтожении священных рощ и деревьев и запрете некоторых языческих обрядов: Бржетислав "...всех вешунов, волшебников и прорицателей изгнал из своего королевства, а также выкорчевал и предал огню рощи или деревья, которые во многих местах почитались простым народом". Этот фрагмент обнаруживает значительное сходство с законами Иштвана I о ведьмах и колдунах (DS I, 33-34), где речь, правда, не идет об их изгнании, а предусматривается детально разработанная система наказаний за колдовство, насылание порчи и гадание на пепле. Еще более явное совпадение сообщения Козьмы и венгерского права прослеживается при сопоставлении чешского источника со статьей из законов Ласло I (DL I, 22) "о языческом обряде", которая гласит: "Всякий, кто по языческому обряду будет совершать жертвоприношения у колодцев или приносить жертвы деревьям, источникам и камням, искупит свою вину быком" (т.е. отлав быка в казну). Подобное сходство может быть объяснено прежде всего общностью задач, решавшихся Арпадами и Шемысловичами в процессе христианизации. Кроме того, если учесть хронологическую близость появления I книги законов Ласло I и акции Бржетислава Младшего (I-я половина 90-х гг. XI в.), можно предположить также наличие какого-либо общего для обеих стран источника, содержавшего подобные предписания по искоренению язычества.

Сходными с положениями законов Иштвана (DS I, 8) и Ласло (DL I, 15, 16) являются запреты работать и торговать в воскресенье, содержащиеся в другом фрагменте хроники Козьмы Пражского, получив-

шем название "Законов Бржетислава" (II, 4). Согласно этому чешскому источнику и закону Иштвана "О соблюдении воскресений", работающий в воскресенье липался рабочего скота или произведенных в этот день изделий.

Далеко не все аналогии в раннесредневековом праве можно объяснить сходством происхождения или заимствованием. Целый ряд положений, присутствующих в "Законах Бржетислава" (утверждение необходимости церковного брака, наказание за убийство священников и других лиц, запрет хоронить вне освященных кладбищ и т.д.) имеет более или менее близкие аналогии в венгерских законах. Они, однако, касаются либо основных предписаний христианской религии, либо наиболее важных и общих вопросов, так или иначе трактуемых в любом раннесредневековом юридическом памятнике. Кроме того, конкретное решение этих вопросов в "Законах Бржетислава" и венгерских законниках в значительной мере различаются, поэтому эти параллели не могут рассматриваться в контексте взаимных связей между Чехией и Венгрией.

Подобным же образом нельзя рассматривать как близкое сходство наказание за несоблюдение поста, предусмотренное законом Иштвана (§§ I, 10) и законом польского князя Болеслава Храброго, который сохранился в передаче немецкого хрониста Титмара Маркесбургского (Titm. УШ, 2). Венгерский закон, карающий за несоблюдение поста недельным постом в заключении, имеет своим источником, вероятно, сходную германскую норму (Corr. Burhardi, c. LXVII). Наказание, предписанное Болеславом, гораздо более сурово и не имеет аналогий в германском праве.

Б.Н.ФЛОРИЯ

ОБРАЗ ВЕНГРОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ИХ ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИХ СОСЕДЕЙ

I. С приходом союза венгерских племен в Центральную Европу и началом набегов венгров в X в. на страны Западной Европы в западноевропейской историографии этого времени возник стереотип венгров, как свирепых кочевников, опасных врагов "христианского мира". Учитывая известный факт влияния западноевропейской историографии X в. на первые западнославянские исторические труды, можно было бы ожидать появления и на их страницах подобного стерео-

типа венгров. Однако ни в появившихся в начале XII в. хрониках Анонима Галла и Козьмы Пражского, ни в последующих исторических сочинениях того же XII и начала XIII в. (Вышеградский каноник, Винцент, Ярлех – в Чехии, Винцент Кадлубек – в Польше) никаких черт подобного стереотипа не обнаруживается, выступающие на их страницах венгры (точнее: венгерские феодалы) не отличаются здесь какими-либо специфическими чертами от своих польских или чешских соседей. Положение меняется в XIII в.

2. В целом ряде чешских источников второй половины XIII в.: в посланиях (как, например, послание епископа Бруно Олоноуцкого папе Григорию X 1273 г.) и исторических сочинениях (прежде всего в компиляции из ряда источников, известной под условным названием "Второго продолжения Козьмы") появляется образ Венгрии, как обиталища язычников-«куманов» (половцев) и схизматиков, откуда исходит серьезная опасность не только для Чехии, но и для всего христианского мира. Одновременно с этим появляются оценки и самих "венгров", то как бедных людей, оказавшихся во власти свирепых кочевников-язычников, то как их соратников и сподвижников (см. запись во "Втором продолжении Козьмы" под 1200 г., как чешский король поразил "multa milia Ungarorum et aliorum Saracenorum"). Появление таких оценок вполне закономерно связать с борьбой, которую в это время вели между собой Штемыловцы и Арпады за австрийские земли. В этой борьбе чешским правителям важно было представить собственные цели, как цели соответствующие интересам христианского мира. Аргументация такого положения существенно облегчалась появлением именно во второй половине XIII в. на службе венгерских королей большого количества половцев, принесших в Центральную Европу методы ведения войны, принятые в кочевом мире. Однако не все черты отрицательного стереотипа венгров в источниках этого времени были связаны с конкретной политической конъюнктурой.

3. Важно отметить в этой связи, что отрицательные оценки венгров появляются и в источниках, возникновение которых связано с центрами, придерживавшимися совсем иной политической ориентации, чем Чехия Штемыловцев. Так, в Малой Польше, правители которой были связаны тесным политическим сотрудничеством с Венгрией, во второй половине XIII в. была создана компиляция, известная под названием "Венгеро-польская хроника". В этом труде, основанном в значительной мере на венгерских источниках (прежде всего здесь исполь-

зовано было "Житие Стефана", написанное Хартвиком), проводилась идея древности тесных и дружественных отношений между Польшей и Венгрией, объединенными и древними договорами и совместным почитанием Войтека- "апостола поляков и венгров". Однако и в этой хронике, в заемствованном у Хартвика рассказе о пожаловании папой Стефану королевской короны, венгры обозначены как "народ дикий и необузданный" ("*ferox et indomita*"). Появление подобной оценки в сочинении такого рода связано уже не с политическими конфликтами, а с фактами культурного общения между центральноевропейскими народами. Дело в том, что к XIII в. появившееся в западноевропейских сочинениях X в. отождествление гуннов-кочевников, нанесших в IУ-У вв. страшные удары Римской империи, с венграми стало частью венгерской исторической традиции и вместе с этой традицией стало распространяться и усваиваться в соседних центральноевропейских странах. Благодаря такому отождествлению на венгров стали переноситься и те многочисленные отрицательные оценки гуннов, которые имелись у поздне- античных авторов. Так, и в венгеро-польской хронике эти отрицательные оценки венгров восходят к помещенному в начале этого труда повествованию о правителе венгров Атилле, точнее к включенной в его состав выписке из жития св. Урсулы, где говорится о "*ferocitas*" гуннских воинов, а сам Атилла назван "диким и необузданным" ("*ferox et audax*") псом".

4. Отождествление гуннов с венграми вело к представлению о последних, как о варварском народе, который длительное время жил рядом с христианской Европой, угрожая ей. В связи с этим особую остроту приобретал вопрос о том, кто способствовал христианизации этого народа и вхождению Венгрии в семью европейских государств. Представляется совершенно неслучайным, что именно в период распространения новых представлений о характере венгров и их прошлом в западнославянских исторических трудах появились (ранее отсутствовавшие) рассказы о крещении венгров, заслуга в совершении которых приписывалась той стране, где данный труд возник. Само же это событие изображалось в соответствии с предшествующей традицией контактов с Венгрией.

В традиционно дружественной Венгрии Малой Польше дело изображалось так, что венгерского князя Гезу и его подданных обратила в христианство жена Гезы, польская принцесса Адельгейда-Аделаида

("Венгеро-польская хроника"). В Чехии, имевшей в недавнем прошлом ряд продолжительных конфликтов с Венгрией, хроникот начала XIV в. Далимил (51 глава его "Хроники") изображает крещение венгров как результат военного поражения, нанесенного им чешским королем Братиславом.

О ГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Вяч. Вс. Иванов. Проблемы изучения славяно-иранских связей.....	5
В.И. Топоров. Славяне и балты (VI-X вв.).....	8
Г.И. Матвеева. К вопросу об этнической принадлежности племен кменьковской культуры.....	II
А.П. Новосельцев. Древняя Русь и Хазария.....	14
И.П. Шаскольский. Русь и Прибалтийско-финские племена в VII-XIII вв.....	15
Р.Ф. Воронина. Цининская мордва VIII-XI вв. и ее контакты со славянами.....	16
Е.Л. Назарова. Проблема происхождения вендов Латвии в советской историографии.....	17
А.Г. Атавин. Средневековая Фанагория и ее место среди одновременных памятников Северного Причерноморья.....	21
В.Э. Орел. Лингвистические контакты славян с неславянскими народами Балканского полуострова.....	24
Е.П. Наумов. Славяне и влахи Иллирика (Некоторые историографические аспекты).....	25
Е.М. Верещагин. Славяно-византийский характер проповедительной деятельности Кирилла и Мефодия.....	26
А.Б. Страхов. О возможном участии южных славян в христианизации Руси (по этнолингвистическим данным).....	28
Г.Г. Литаврин. Принцип наследственности власти в Византии и в Болгарии в VII-XI вв.....	31
М.В. Бибиков. "Изборник Святослава 1073 г." как памятник Византийско-славянских культурных связей.....	34
Н.Ф. Каврус. Греческий список номоканона XIV титулов /кормчей книги/ рубежа IX-X веков.....	36
А.И. Рогов. Изображения первых славянских князей в памятниках древней письменности и искусства и отражение в них византийских и западноевропейских культурных традиций.....	37
В.В. Морозов. О некоторых аналогиях в истории болгарского и русского государств в их взаимоотношениях с Византией	38
Ф.Д. Климчук. Неривяне-вервиане.....	41
М.Д. Парамонова. Чехия и Бавария в первой половине X в. (К вопросу чешско-германских связей периода раннего средне- вековья).....	43

Е.А.Мельникова, В.Я.Петрухин. О роли межэтнических взаимо-	
влияний в формировании раннефеодальной культуры	
(Русь и Скандинавия).....	45..
А.В.Назаренко. Русско-немецкие контакты начального периода	
древнерусской государственности (IX-X вв.)	
и их место в кругу международных связей	
Руси.....	47..
В.Б.Перхавко. Предпосылки и условия развития экономических	
связей Древней Руси со славянскими странами.....	50..
Е.А.Хелимский. <i>Király</i> и <i>olasz</i> . К истории ранних славяно-	
турко-венгерских связей.....	53
В.К.Ронин. Этническое самосознание и особое право славян в	
германской империи (до начала ХУ в.).....	56..
Г.П.Мельников. Словако-венгерские общественно-культурные	
взаимовлияния (состояние изучения проблемы	
в словацкой науке).....	62..
Е.А.Хелимский. Славянский интердиалект в Венгрии Арпадов.....	63..
А.В.Горизонтова. К вопросу о связях западнославянского и	
венгерского законодательства.. XI.в.....	66..
Б.Н.Флоря. Образ венгров в исторической традиции их	
западнославянских соседей.....	68..

Подписано к печати 01.02.88. А-02327

Объем 4,5 п.л. Печать офсетная

Тираж 290 экз. Зак.33

Ордена Трудового Красного Знамени

издательство "Наука"

Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул.Жданова, 12/1

З-я типография издательства "Наука"
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

44488 RU